

3/283 L6

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Г. П. Б. в АНГР.
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1928.

31.969.

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА

Под редакцией
Л. Г. ДЕЙЧА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ
Л. И. АКСЕЛЬРОД, Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ,
С. Я. ВОЛЬФСОНА, Э. М. ЗИНОВЕВОЙ-ДЕЙЧ
И И. Н. КУБНИКОВА

СБОРНИК № 6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

И.В. № 100967

Из фондов Российской национальной библиотеки

4/51

ПИСЬМА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ.

(Продолжение.)

70¹⁾

[Лондон.]

Милый Жорж!

Я уж написала, почему запоздала ответом, — была очень угнетена возней со Шмулевичем. Он и теперь у меня, и неизвестно, когда уедет, но мои нервы начали принавливаться к этому бедствию. На все ваши вопросы о Руссо и Мабли уже подробно отвечено в моем «труде». О Руссо Ковалевский врет, как и все. Его, т. е. Руссо, бедного, я вижу, что даже и вы не поняли. Мабли, и по-моему, самый мыслейший из писателей XVIII века и самый эклектический (если не считать Гольбаха, который в своих политических взглядах тоже отчаянный эклектик). Ни одной идеи Руссо Мабли не заимствовал, но много говорил о равенстве, понимая под ним такое положение, «когда бедные довольны своей бедностью, а богатые не могут тратить своего богатства на роскошь». Ничего, кроме слова «равенство» в противоположном смысле, общего с Руссо у него нет, и старше он Руссо лет на 10. Полит[ические] взгляды диаметрально противоположны, он даже не практик, действовал открытыми письмами против агитации Руссо за восстановление законодательной власти женеvской демократии (называл «Письма с горы» «преступными»). Но исторически, [так] сказать, Ковалевский прав. Робеспьер почти сплошь, помолвившись на бюст Руссо, валял по Мабли о равенстве.

¹⁾ Повидимому, письмо это относится ко времени пребывания В. И. в Лондоне («возня со Шмулевичем. Он и теперь у меня...»), но оно где-то завалилось и лишь недавно прислано из-за границы. — Л. Д.

Для деятелей фр[анцузской] рев[олюции], называвших себя учениками Руссо, авторитетом был его противник, Мабли. Насчет «аристократизма»: Руссо отделяет законод[ательную] власть от исполнительной и делит государство на «демократии» и «аристократии» по исполнительной власти. Где не сам народ издает законы, там их и нету, а есть приказы, декреты, власть победителей над побежденными. Законные государства могут быть «демократией», когда весь народ на собраниях судит, решает войну и пр. Это возможно лишь при полном имущественном равенстве. Если применение законов поручено части народа, хотя бы старикам, напр., это уже «аристократия», и он говорит, что это лучшая форма неполнитель[ной] власти. Во всей Европе для народа нет законов, нет и в Англии (есть для лордов, богачей, но не для народа). Но в полемике с Руссо член женеvской аристократии сослался на Англию, что, мол, уж на что свободная страна, а и там поступают так же, как в Женеве. Руссо доказывал в «Письм[ах] с горы», что неправда, что женеvское правительство хуже английского.

Конечно, он тут хвалит английские законы (приказы), не с точки зрения своей «теории» законов. Свою теорию: «Закон есть выражение общей воли всего народа» (в буквальном смысле слова) он противопоставлял тогдашнему ходячему представлению о законах, издаваемых «разумом» под диктовку природы. Сколько, мол, ни выдумывайте, все это будут не законы, а приказы. Законов для Фран[ции] или Англии (страны, где сильно неравенство) и быть не могло с его точки зрения. Но из «незаконов» одни, конечно, могли быть лучше, другие хуже. Все это вы увидите в моем «труде», а теперь, должно быть, из предыдущей... [Нет конца.]

70 а

Цюрих.

Дорогой Жорж, сейчас же, получивши ваше письмо, пошла к Христе [Раковскому]: он в прошлом году «Vorwärts'a» не получал (вспомнил при этом, что вы ему не возвратили взятый №, и просит прислать). Пошла к Манцу. Он говорит, что «Wissensch. Beil[age]» ¹⁾ сейчас же уничто-

¹⁾ «Научное приложение». — *Ред.*

жает, даже не читая: «Это, мол, может интересоваться только Плеханова да Бернштейна». Манц предсказывает, что нет в Цюрихе никого, кто бы их сохранял. Будет еще поход к Грейлиху и в Grütli Verein. Затем маленький Адлер (тут такой есть) будет приставлен к поискам его по Цюриху. Но пишу вам затем, чтобы вы не слишком надеялись и выписывали его каким-ниб[удь] еще путем. Видите, что стараюсь заслужить, а вот все это время почти не читала, а кипела в котле. Редактировала «Листок», и при первом же вычеркивании отчаянно бессмысленных фраз поднялся бунт: «Это, мол, наше убеждение». А там и смысла-то нету. Вероятно, порвем. Я тверда, как скала. Но сердцебиения, конечно, отчаянные, а я и приехала с лихорадкой (по термометру). Но я воюю стойчески, сжавши зубы. Приговариваю себе: «Поделом вору мука — за желание сохранить Союз». Я, положим, и раньше толковала, что «нам с ними надо подальше», но воображала, что я-то смогу с ними возиться по своей «справедливости». Я это вам пишу, потому что знаю, что вы не разжалобитесь, — будете только злорадствовать. А я себе ни облегчения, ни помощи никакой не желаю — поделом мне. Тетке¹⁾ напишу, что прошу прощения за то, что говорила, что Иванышии годится в редактора. Никуда не годится: может изложить что-нибудь, а рассуждать сунется, так волосы могут дыбом стать, и упрям, как осел.

71

Цюрих, 17/V 1897 года. [Открытка.]

Дорогой Жорж, мне заказано огорчить по возможности Боборыкина, и как можно скорее, и просили сопоставить с «Новью»; не знаю, подойдет ли последнее, но все ж и «Новь», «Дым», «Отцы и дети» посмотреть для вдохновения мне хотелось бы. «Вестник Европы» за этот год у меня есть, но еще гораздо бы нужнее Тургенева были бы для меня другие романы Боборыкина — «На ущербе», например. Нет ли у вас чего-нибудь из всего этого на примете? Я на это мало надеюсь, но при случае все-таки пишу. А случай

¹⁾ Александра Михайловна Калмыкова. — *Ред.*

вот какой. Помните, я списывала «Heilige Familie»? Тетрадь у вас (я в этом глубоко убеждена). Пришлите мне ее, пожалуйста. Мне ее надо для одного примечания. Погода все время стояла здесь ужасная, я так зябла, как никогда в Лондоне (там я, чуть озябну, топила, а здесь не приспособилась к топливу), сегодня в первый раз прекрасная, но мне все же именно сегодня очень нездоровится, вероятно, от Боборыкина. Он, вероятно (укорами совести за написанное), будет отравлять мне и вам пребывание здесь, но все-таки приезжайте, ведь теперь такое время, что у таких увальней, как я, всегда что-нибудь да будет лежать на совести.

[Следует адрес.]

Ваша Вера.

Вы скажете: в Цюрихских читальнях есть Тургенев. Отвечаю: нужного там нету. Я вдобавок боюсь искать книги через публику — здесь страшно заняты раскрытием псевдонимов.

72

Цюрих [1897 г.].

Дорогой Жорж, обе ваши телеграммы получены и переданы Рябовой...

Очень я обрадовалась нашему с вами согласию по вопросу о рецензии против «Борьбы»¹⁾. Тем более обрадовалась, что, по словам Рябовой, вы не нашли ничего преступного в инкриминированной фразе «Борьбы» относительно «объединения для борьбы всех деятельных сил демократии»... Павла огорчает, главным образом, несправедливость по отношению к народоуправцам, а мне самая тактика, сказывающаяся в этой рецензии, кажется бесконечно нелепой. В качестве пролетариата «класса, противоположного по своим интересам всем другим классам», фабричные рабочие могут делать стачки, но никак не «завоевать политическую свободу». Это, если может, то в качестве «партии» (а не класса), к которой попристанет много всякого народа (Янжул, например), и этот народ впоследствии «изменит» там или не

¹⁾ Эта крайне непоправившаяся Вере Ивановне рецензия была написана Б. А. Гинзбургом (Д. Кольцовым) для «Листка Рабочего Дела». — Л. Д.

изменит, совершенно одинаково, будет ли называться социал-демократами или народоправцами. Поэтому учить рабочих говорить направо и налево злые глупости совершенно бесполезно, а если бы, паче чаяния, удалось сохранить фабричных рабочих в чистоте от людей других классов, то тем самым мы гарантировали бы им и полнейшее бессилие в борьбе за политическую свободу. Передайте, пожалуйста, Сергею Николаевичу прилагаемое письмо. Хотя оно и пришло на мой адрес без всякой надписи о передаче, но, очевидно, относится к нему, а не ко мне.

Ваша Вера.

73.

Цюрих, 1897 г.

Дорогой Жорж, ваше письмо от 4-го вечером я получила 5-го часов в 6 с половиной вечера. Значит, аккуратно. Это пишется 6-го вечером, а будет сброшено на почту, должно быть, завтра около полудня: я в одиннадцать часов только встаю.

Я не понимаю, что мог бы устроить Теленок ¹⁾, и почему вы восклицаете с упреком: «О, Теленок, Теленок!» Что же ему, бедному, делать, как не пасться?

У меня, конечно, есть идея о том, что именно было бы теперь до-нельзя шикарно, но не от Тел[енка] это бы зависело. На это деньги нужны, а у него их нет и шиллинга. Ему еще осенью приходилось жить с постороннего (редактирования переводов) заработка. Касса слишком бедна была, не хватало на необходимые расходы, и он из нее ничего не получал. Долги на этой кассе остались громадные. Мне мечталось, что капризная барынька [?] сделает предложение, аналогичное тому, которое отец кривоногого [?] «Саши» когда-то делал. Да, жди поди! Я вас натравливала на литературу с Серг. Никол. ²⁾. Он теперь просит прислать ему рукопись обратно. У них с Павлом все время шла полемика переписка. На сообщение Павла (в объяснение неотсылки рукописи), что мнение Плеханова для него, вероятно, будет интересно, он отвечает, что все мнения интересны ему

¹⁾ Это — П. Струве. — Л. Д.

²⁾ С. Н. Прокопович. — Л. Д.

лишь постольку, поскольку они помогают или вредят его деятельности, а не сами по себе. «Другое дело — аргументы», — добавляет он. Но аргументов он не видит, по его мнению. Пожалуй, что и нет вам особого резона читать его рукопись. Едва ли вы ему «аргументов» отвалите. Ведь у него целая философия истории, с позволения сказать.

А ведь нельзя быть уверенным, пасется ли Тел[енок] или в стойле стоит¹⁾. Хотя это, конечно, скоро узналось бы, так что с каждым днем больше уверенности, что пасется. Конечно, сообщу, как только что-нибудь узнаю.

Ваша Вера.

Говорят, что Ганелин в Европе, но молчит, — значит, обеднел. Он мне всегда пишет дружелюбнейшие письма, когда собирается богатеть, и замолкает, когда планы улетают в трубу²⁾. Теперь бы кетати ему разбогатеть.

74

Цюрих [1897 г.].

Дорогой Жорж, я все забывала ответить вам на вопрос о представительстве на здепнем конгрессе³⁾. Дело обстоит таким образом.

Еще давным-давно в Россию было послано подписанное Грейлихом приглашение на этот конгресс и предложение прислать мандаты. До сих пор никакого ответа не было. Теперь пришел мандат из Вильны. Из Петербурга же и надежды мало получить, т[ак] к[ак] у Вильны (а следовательно, и у Бух[гольца]) потеряны с ним сношения. Огорченный мандатом из одной Вильны, а кроме того, заболевши от старания продолжать писать свое добавление к брошюре «Об агитации» (это странная задача: пишет он ее полтора года, написал массу, чувствует, что никак не вылезть из поднятых вопросов, и так мучается, что Надя говорит, что он в таком состоянии не был с тех пор, как писал для нашего

¹⁾ Повидимому, речь идет иносказательно о том, арестован ли Струве. — Л. Д.

²⁾ Об этих планах сообщаю ниже. — Л. Д.

³⁾ В. И. имеет в виду международный конгресс по рабочему законодательству. — Л. Д.

«Соц.-дем.» о немецких выборах), Павел, ни с кем не посоветовавшись, предложил этот мандат Гинзбургу ¹⁾. Узнав об этом, Надя пришла в отчаяние: немцы, мол, подумают, что Павел потерял всякое доверие товарищей, которые дают мандат никому не известному человеку, лишь бы не ему. В довершение беды, Гринфест берет на время конгресса ваканцию, так как он тоже делегат (швейцарский). Таким образом, если отнять у Гинзбурга мандат (обязанность отнимать на мне лежит), то Павлу все же не будет почти возможности бывать на конгрессе (Надя все больна, а у детей экзамены), а перед немцами кефир — не оправдание. Словом, Павлу *как ни кинь — все клин*.

Мне приходит в голову, что его спасение может притти от вас: ведь вы, хоть и молчите, а поправляетесь, и Розалия Марковна писала об этом Павлу, и Рябова рассказывала (а она не врет иначе, как с целью) всех кушаний едите по 4 порции, что, считая обед и ужин, составит порций 30-35 в день, — это признак поправки!

Принимая все это во внимание, вы, быть может, и могли бы без риска приехать сюда денька на три. И всех Föger'ов [вожагов] бы повидали и Вильну представили. Для вас-то отнять у Гинзбурга мандат ничего бы не стоило, да если и не отнимать, то Павел с Надей успокоились бы, так как Павел был бы в одном положении с вами. Впрочем, может быть, все это — софизмы, подсказанные мне желанием повидать вас, а, в сущности, вам все же лучше не рисковать. Отвратительно вышло с конгрессом ткачей: питерцы и шуйцы прислали для него доклады и ни копейки денег на их напечатание. Бух[гольц] взялся напечатать у немцев в Берлине, но там Браун сказал ему, что надо бы доклады сократить. Он послал запрос в Россию, а так как ответа не пришло, он их вовсе не отпечатал, а маленькое выражение сочувствия из Белостока отпечатал и послал. Известие о своих подвигах он прислал только теперь, когда конгресс уже заседает. Вчера, когда Гинзбург рассказал мне все это, мне за питерцев стало обидно (старались, какой докладнице написали, и вдруг — Белосток), и я (Павел сидит

¹⁾ Тогда же, не сказавши мне ни слова, он объявил Гинзбургу, что передает мне все дела и редакторство. Бедная я! Вы-то уже, конечно, не пожалеете меня. Скажете — поделом!

в Афольтенум) послала конгрессу телеграмму, что, мол, «питерские и шуйские ткачи и прядильщики шлют через нас свои пожелания конгрессу; прислали также подробные доклады, которые по недостатку времени не могли быть отпечатаны».

Ваша Вера.

75

Цюрих, 1897 г.

Дорогой Жорж, только вчера я узнала, что все это время вы больны обостренным образом. Так тяжело стало на сердце. Я с неделю, как отослала работу, хотелось написать вам, да удерживалась: что ж, мол, приставать к человеку с письмами, когда ему, может, не до них. А теперь, узнавши о вашей болезни, никак не могу не написать, хотя и не знаю о чем, т. е. не знаю, в каком вы состоянии, настроении, что может вас интересовать, что — нет.

Знаете вы, что покойный Бунге (кажется, не переврала — министр финансов перед прекращением дефицитов) был большим поклонником Бельтова? Это тут Янжул был, — рассказывали, не нам, а одному человеку. И Бунге, и он сам находят это направление очень полезным, как противовес. У Волгина Янжул находит, однако, один недостаток, а именно тот, что Волгин не воспользовался его, янжуловскими, фабричными отчетами. Извиняет тем, что за границей их трудно достать. Бунге никак не хотел верить, что Бельтов семидесятник: «Такой юношеский жар». Ах, Жоржик, зачем же это вы больны? Пожалуйста, Жорж милый, если ответите мне (хоть бы выругали!), напишите, неужели вы так и остались за июнь без заработка за то, что работа была слишком хороша? Мне это нужно знать потому, что это, по-моему, был бы положительно дурной поступок, и мысль о нем влияет на мое мнение о Телятине ¹⁾. Здесь брюссельский философ Сергей Николаевич [Прокопович]. Он порывается к вам, но, если вы не в бодром настроении, едва ли полезен, — для споров он очень утомителен. Он массу начитал и составил себе теорию. Ее именно объявил нам в прототе литовец [?]: буржуазия права уже приобрела, и рабо-

¹⁾ Т. е. о Струве. — Л. Д.

чие почти что; он думает, что и крестьянин приобрел. Институты (так он конституции называет) не очень верны. Новый промышленный строй не может развиваться, не создавая и соответствующих прав, а так как он у нас развился, — значит, развились и права. А человек он, мне кажется, хороший. Болтаю, а не знаю, — может, вы зарычите на неинтересную вам болтовню. Ну, хоть бы зарычали...

Ваша Вера.

76

Цюрих [1897 г.].

Дорогой Жорж, вы должны были так быстро получить Брюнетьера, что вам должна была притти мысль в голову, что, когда книга у меня, найти ее легче, чем когда в вашем шкафу она на дно завалится.

Раковский вернулся. Прислал письмо петербургских центральных остолопов (там теперь господствует «Рабочая Мысль»: она официальным органом объявлена) и свое изложение разговора с тамошним главным «экономическим». Я все это тотчас отправила Павлу на прочтение с тем, чтобы он, прочтя, отправил вам, и вы дадите прочесть Блюменфельду с Гинзбургом. Я было принялась за работу, а сегодня опять совсем меня расстроили эти «экономические».

Рабочим они решили говорить исключительно о «копейке на рубль», интеллигенции дозволяют говорить о свободе. По-моему, это развращение рабочих. С интеллигенции это экономическое идиотство со временем соскочит, но что рабочий забудет, то останется надолго.

Да, вот мы теперь официально знаем, что «Рабочая Мысль» у власти. В Сборнике печатается (или уже отпечатана) весьма ругательная статья на нее Гинзбурга. Я-то думаю, что все равно с этими «экономическими» капли не сварим, так, по-моему, пуцай. Но, может, у вас есть какие-нибудь тактические соображения, тогда потолкуйте с другими о ее выбрасывании. Вероятно, еще не поздно. Я протестовать не буду; вероятно, и Павел будет к этому равнодушен — я его не видала.

Ваша Вера.

Сколько прислать на книгу Блюменфельду? Пришлите мне, пожалуйста, новый адрес Блюма, если он еще в Женеве. Мне это нужно.

77

Цюрих.

Дорогой Жорж, кричите «ура»! Прислан вам мандат из Питера от социал-демократической группы «Освобождение Труда». Уже по самому названию видно, что, значит, группа самая преданная. Много ли в ней рабочих, не видно, но все же, значит, есть, и мандат, как мандат; что сами не приехали, а вам поручают, объясняют трудными русскими условиями. Прислали и описание состояния России — как раз по нашим изданиям, просят продолжать журнал. Ну, да приедете, увидите. Не посылаем его потому, что думаем его здесь пока по-немецки перевести для конгресса. Отличный мандат, и ведь из самого Питера, со Шлиссельбургского тракта.

Зубастый [?] страшно беспокоится по следующему обстоятельству: он послал две недели тому назад, на ваше имя, для передачи мне, но на ваш женеvский адрес, длинное заказное письмо и свой взнос — 10 марок. Письмо нарочно при деньгах, что так вернее дойдет, потому что письмо вредное (8 страниц). Когда он узнал, что я его не получила, он очень забеспокоился насчет полиции. Одна надежда, что, может быть, Розалия Марковна по получении забыла как-нибудь передать его мне. Расспросите ее, пожалуйста. Оно на ваше имя, но ведь в Женеве отдают даже хозяйке заказные письма.

Американские деньги еще не пришли. Здесь хлопочут достать и послать вам. Теперь-то уже непременно надо вам приехать. Вы — делегат от петербургских рабочих социал-демократов!

Вижу сегодня целый день всех товарищей не из колена Гадова. Они очень возбуждены против этого колена; ожидают, что конгресс будет опять скверный, и очень желают, чтобы мы вышли из Союза. Серьезные разговоры об этом, конечно, откладываются до вашего приезда.

Крепко жму руку.

Ваша Вера.

Болезнь вам теперь никак нельзя.

А Павел-то, бедный, не виноват: ту книгу, которую вы просили у Калмансона, он заслал Женьке [Дейчу], — ее у него нету. Мы еще с ним ни разу не поругались.

78

Дорогой Жорж, я теперь, пожалуй, и непрочь прогуляться в долину Роны. Только недели через 3 придут Тюлени ¹⁾ (Тюлень с Тюлейницей). Можно ли их будет туда пригласить? Не набьется ли там слишком много русских? Раз вы теперь в такой дружбе (Павел говорил) с Союзом, не переселится ли он туда во всем составе? А я по сто пяти причинам Тюленей видеть непременно желаю. А что за курьезная его статья о марксовой стоимости, если только положиться на цитаты Блюменфельда. Напоминает даже (помните, мы вместе читали?) схоластическое рассуждение, что б[ыло] бы, если бы Христос воплотился в виде тыввы? И оказывалось, все было бы, как было, и тывву бы распяли. Так и у него: рабочие постепенно замещаются машинами и доводятся до нуля, а количество производимых товаров и спрос на них остаются прежние; вывод: и уровень прибыли остается прежний, след., теория стоимости неверна.

Я Тюленя прошу прислать мне эту статью.

Он пишет, что поместит Писар. [?] в «Жизнь», но можно и вам продать, если окажетесь дельным покупщиком. Это вас Исаак, что ли, смущает чем-ниб[удь]?

А жара тут страшная, как в печке, но я по разным причинам очень поздоровела.

А ведь не статья, а в одной рецензии примечания в 5 строчек, из которых 3 сомнительны «за Бернштейна». Все же тут не за что и кошку высесть. А вы уж обрадовались! Робеспьер вы противный...

А почему вы Грейлиху книг не возвращаете? Я пошла у него попросить Брауна прочесть, а он мне жалуется, что не знает, что с вами делать. Я посоветовала писать ежедневно по строгой карте, пока не пришлете.

Напишите же, большой ли вы соберете там зверинец. Будет ли возможность прибавить Тюленя?

¹⁾ Повидимому, так В. И. называла Парвуса. — *Ред.*

Цюрих, 4/VII 1897 г.

Милый Жорж, не знаю, почему вы не пишете, может, потому, что поминаете лихом. А я потому, что ежедневно собиралась нето завтра, нето послезавтра кончить проклятого «маститого беллетриста» и только мучилась. Стыдно даже писать вам, и теперь стыдно, да как-то очень захотелось. А вы опять, говорят, нездоровы были? Напишите! Уж с неделю тому назад Бончева барыня просила меня сообщить вам следующую глупость: через Мюнхен проезжала из Питера одна госпожа (фамилия неизвестна), едущая в Женеву, «слушать» реферат Плеханова. Эта же барыня говорила живущей (или живущему) в Мюнхене Пасиховичу [?], что теперь достоверно известно, что главой «Народной Воли» состоит Воронцов. Что об этом и Плеханов говорил уже в реферате. Бончева барыня думает, что это шпионка, а мне кажется, что шпионки теперь умнее.

«Теленок» [П. Струве] пишет, что «Рязанов» ¹⁾ ему очень понравился и будет в июне. Напрасно я, значит, волновалась (Ж[орж]: «Ведь я вам говорил»). Тот же «Теленок» пишет, что мне послан им Дюринг для «рецензии», а Зайчик [?] при этом кается, что по ошибке послал его вам. Он не знает, что это просто сущность всякой книги (Buch an sich в этом состоит).

Я вчера только ужасно обрадовалась, так как одна особа (могшая слышать от верных людей) написала мне, что господин, «старающийся укусить ухо», скоро выздоровеет ²⁾, а «Теленок» ³⁾, пишет, «все в том же состоянии»: Теленку лучше знать.

М-ме Гинзбург каждый день приходит спрашивать у меня про май «Нов. Слова», — может, пришлете вместе с Дюрингом? Крепко жму руку.

Ваша Вера.

¹⁾ Повидимому, имеется в виду т. Перазич, тогда носивший этот псевдоним. — Л. Д.

²⁾ Т. е. арестованный А. Н. Потресов будет скоро освобожден. — Л. Д.

³⁾ Струве стоял тогда во главе выходившего в Петербурге журнала «Новое слово», в котором сотрудничали Г. Плеханов и В. Засулич. — Л. Д.

Напишите. Тот же «Теленочек» просит устроить ему корреспонденции из Англии. По-моему, кроме Мендельсона, некому. Подрывать он ничего не станет. Его это не занимает, как Бернштейна. Он будет прославлять парламентский строй Англии, а это и отлично. Написать ему? Я могу даже (мы настолько хороши) так и написать, чтобы без подгрызания. Вы, может, скажете: «дочь Маркса»? Но ведь она писала в «Русское Богатство» просто постыднейшие по бездарности и пустоте статьи, да и Теленок на нее ни за что не согласится. Он от ее статей был в ужасе.

80

[Нет начала]... Значит, выписываетесь, дорогой Жоржинька! значит, на-днях увидимся, и да здравствует свобода?

А ведь питерские-то рабочие пытались ходить на демонстрацию. Им полиция и войска не дали войти в Петербург во-время, и это несмотря на свое рабоче-мысленное начальство, говорившее, что им вместо забот насчет студентов следует готовиться к 1 мая.

Теперь один приезжий из Петербурга пишет, что у петербургских рабочих вся программа в настоящую минуту: «бить полицию»! По-моему, отличная программа.

81

Цюрих, 9/IX 1897.

Давно не писала я вам, дорогой Жорж, в очень я сверном настроении была (да и есть). Не знаю, составили ли вы из рассказа Тел[енка] понятие о нашем положении на конгрессе ¹⁾? Не читали ли вы утопию Морриса («From Nirgend's wo» — это в «N[eu]e Z[eit]»)? Там герой, подружившийся с людьми будущего, вдруг, войдя в залу пиршества, чувствует, что его никто не видит, что он перестал существовать для окружающих. Вот это ощущение было у меня на конгрессе. Всякий-то немец (французов не было) норовил

¹⁾ Происходивший в Цюрихе международный конгресс по регулированию рабочего вопроса. — *Ред.*

пройти так, чтобы тебя не заметить. Ни один (даже и Адлер) не заглянул к Павлу. В публичных речах (вне конгресса — Бебеля, Пернерсдорфа и др.), говоря о росте движения за последние годы и перечисляя разные самые негоднейшие страны, чуть не Испанию с Португалией, все упорно пропускали Россию. И на конгрессе, и вне конгресса старались так представить физиономию земного шара, будто России и на свете нету. Историю нашей резолюции вы, вероятно, знаете, а подробности прочтете в № 3 «N. Z.», куда Павел послал описание ее *Leidensgeschichte* [историю страданий]. На мои нервы («обнаженные» — это, не помню уж, у Достоевского или у кого-то говорится про очень нервного героя) это действовало самым мучительным образом. Что немцам надо было сделать этот конгресс безгранично благонамеренным и легальным, это я знаю и понимаю. Нужно для их внутренних дел, для сближения с недовольными правительством и аграриями элементами в Германии, что может повести к политической свободе у них, — это все так. Но зачем же нас-то старая собака Грейлих¹⁾ тянула на конгресс? Зачем затесались туда мы — нелегальные, по самой сущности русского строя? Вместе с конгрессом происходят, конечно, и нелепейшие заседания русских товарищей (а, ей-богу, ваш Серг[ей] Ник[олаевич]...²⁾). От усталости или огорчений — уж не знаю — привязалась ко мне еще лихорадка ежедневная и кашель сверх положенного. К этому теперь, когда шум прошел, прибавляется и чувство безграничного одиночества. Иметь своими ближайшими людьми такую сплоченную семью³⁾, в которую, как вы сами заметили, мизинца не просунешь, — хуже, чем никого. Она как-то заслоняет тебя от всего мира. Вот с Теленком, например, видая его каждый день все у Павла, я почти совсем не говорила. Павел и ему совсем не давал говорить, а все беспрерывно ему свое добавление к брошюре «Об агитации» рассказывал. Пишите мне, милый Жорж.

Ваша Вера.

¹⁾ Известный лидер швейцарской социал-демократии, был главным организатором названного конгресса. — *Ред.*

²⁾ С. Н. Прокопович, тогда член Союза русских социал-демократов; опускаем нелестные эпитеты по его адресу. — *Ред.*

³⁾ Это касается семьи П. Б. Аксельрода. — *Ред.*

Цюрих, 16/IX 1897 года.

Дорогой Жорж, я послала вам сегодня Чернышевского. Вот адрес Селитр[енного] [следует].

От Тел[енка] я сегодня получила записку от 15-го; пишет, что дня через 2 едет на родину. Теперь, значит, уехал. «Н[овое] С[лово]» за август вышло, получено в читальне. Я еще не видала. А за Тел[енка] таки страшно. Вся его-то неосторожность лишь в том, что приехал на конгресс, но какая-то скотина показала его кому-то из студентов, и затем уже все про него кричали и друг другу его указывали.

На мое попечение и ответственность отдана одна заказная брошюра. Я просила Блюм[енфельда] послать вам рукопись. Это до того интересно, что, если заглянете, не сможете не прочитать, а, прочтя, посоветуйте, как поступить с примечаниями. Расставить ли внизу стран[ицы] (это было бы самое лучшее, да боюсь путаницы, или надо самой переписать всю рукопись) или печатать после каждой главы относящиеся к ней примечания? Чтобы все в конце книги — это всего хуже, мне кажется. В примечаниях масса курьезнейших вещей, а как их тут будет читатель разыскивать? Посоветуйте. Рукопись была прислана в страшном беспорядке. Я и примечаний половину по смыслу разместила. Поэтому очевидно, что с внешней стороны с ней можно распорядиться по усмотрению. Очень бы хотелось повидаться, но чтобы вы приехали, как-то не верится. На-днях получите 250 франков: Ганелин *мне для вас* посылает, так и пишет «посылаю вам для Георг. Вал.» Прислал мне также и для меня.

Цюрих, 20/XI—1897 года.

Дорогой Жорж, пишу вам это письмо не только от себя, но и по настоянию Павла. Дело вот в чем. Серг. Ник. прислал брошюру, которую мы с Павлом по чистой совести одобрить к печатанию не можем, а, с другой стороны, несомненно, что, если отказ в одобрении выйдет от кого-нибудь из нас, он не поссорится, а поднимет знамя бунта, сочтет долгом это сделать. Не знаю, составили ли вы себе понятие

о всей глубине самомнения этого господина? Вероятно, нет. Вы с ним не спорили, а его приличные дворянские манеры не позволяют ему выказывать походя это самомнение. Во всяком случае он чувствует, что «сделал новый шаг в разработке теории», первый шаг, который был сделан Марксом, распространившим свою теорию; он сделает целый переворот, «свежая молодежь» вполне способна воспринимать его учение (у него в Брюсселе было с дюжину барышень настолько же оболваненных, как тот литовец ¹⁾, который читал нам историю движения). Вся беда в том, что литература находится в руках старичков ²⁾ (идеалистов, субъективистов и пр. и пр.), которые неспособны ее понять. Вы-то способны (он думает, что у вас с нами взгляды разные, а с ним — сходные), но не занимаетесь редакцией. Как же ему при таком положении дел уступить? Впрочем, опыт уже сделан. Это уж второе его произведение. Первая брошюра «Об агитации» очень плоха в литературном отношении и ничего особенного по содержанию не представляет. Мы ее внимательно прочли, и Павел написал ему несколько замечаний (предложений и переделок). Он на его письмо ответил самым категорическим отрицанием их значения. Той брошюре мы не придавали такого значения, — что же будет с этой, являющейся целой энциклопедией? Ничего не остается, как прочесть эту брошюру вам и написать ему о ней свое мнение, — оно его по всему вероятно все же заставит задуматься (что вы ее одобрите, не могу себе представить, а если бы... паче всякого чаяния... ну, тогда ваш грех). Павел пошлет вам рукопись. Не смущайтесь тем, что она обозначена II. Решено напечатать доклад питейцев и Павлову речь на конгрессе, а С[ергей] Н[иколаевич] предложил добавить к этому изложение хода конгресса, да

¹⁾ Т. Копельзон, живший в это время за границей, утверждает, что «литовец» — это один из руководителей литовско-польской марксистской организации, по фамилии Моравский, временно проживавший за границей в 1897/98 году. — *Ред.*

²⁾ Полагаем, что из этих и других писем членов группы «Освобождение Труда» читателям уже известно, что внутри возникшего в начале 90-х годов Союза русских социал-демократов происходили раздоры и несогласия. Под «старичками», понятно, имелись в виду члены группы «Освобождения Труда»: они-то и являлись идеалистами, субъективистами! С. Н. Прокопович принадлежал к противникам этих «старичков». — *Л. Д.*

увлекся и написал энциклопедию, в которой о конгрессе всего меньше речи, да и то, что есть, совершенно извращено, и конгресс подогнан под его теорию. Это вам, не бывшему на конгрессе, может быть, и не заметно, но это и неважно для суждения о прелести брошюры. Я не думаю, чтобы читать ее вам было очень к спеху. Надо только будет известить его, что она у вас.

А вы что-то замолчали, а еще писали: «к 4-му буду свободен!» Как живете-можете? А как Михайлов[ский?] вас с Тургеневым-то сцепил? Я так и предчувствовала, как читала у вас это место, что он его должен применить ко многим нашим. И вы это должны были предвидеть, а потому и, думаю, приготовили какую-нибудь батарею на Михайлов[ского]. Неужели же оставите его танцовать около этого места? Само-то по себе оно (место) мне доставило удовольствие. Напишите же письмо.

Ваша Вера.

84

Цюрих, 18/XII 1897 года.

Дорогой Жоржик, большое спасибо за книги. Ни «Новое Слово», ни других новых журналов я не читаю. «Н. С.»-то Павел еще получал, а теперь и он перестал. А в читальне здесь нельзя на-дом брать, а только на столе книги лежат месяц. Колония громадная, там правила строгие. Ну, да чорт с ними пока!

Разве Телен[ок] после статьи о Чичерине, опять о Белинском царапал?

Да, настоящей партийности в Тел[енке] нету! Мне вот очень не понравилось, зачем он в статье о конгрессе вытацил из «Neue Rheinische Zeitung» неосновательное, пуцдай, но, наверное, написанное с тактическими целями (против надежд на немец[их] «гори») мнение Энг[ельса] о фабр[ичном] законод[ательстве].

Но, несмотря на все это, Тел[енок] все-таки очень хороший человек. Где по нынешним временам таких-то найдешь, чтобы уж со всех-то сторон были хороши?

Кружковой жизни он почти не испытал. Повидимому, среди своих друзей всегда был самым знающим и понимающим в области теории. Он не понимает надобности стеснять свою или чужую свободу слова. Будь он тут, его, вероятно, можно бы уговаривать (но лаской, а не строгостью), того или другого не говорить, а издали, мне кажется, надо его брать, каков есть. Чуть не всякий, кого ни вообразите там вместо него, оказался бы еще неудобнее. У этого нет личных мотивов. Он несет неприятные вещи только потому, что считает истиною.

85

Цюрих, 11/XII 1897 года.

Милый Жорж, чтобы стала я злощася, это неправда. Статью я пишу по поводу книги Головина «Русский роман и общество». Тема теперь, как я втянулась в нее, слишком даже хороша. Мыслей приходят целые возы, двух сортов, общие: подставить общую ниточку в им же отмеченных фактах, указать ход развития. Это удобно именно потому, что он не шаблонный консерватор или либерал. Он старается быть справедливым даже к 60-[ни]кам, которых ненавидит. А, с другой стороны, у меня страшный соблазн поправлять его оценки литературных типов, характеров и пр. Так и корчит меня на каждом шагу. Критические разные «открытия» я делаю беспрестанно. А и литературы-то у меня нет. На память! Это бы в музее писать, но тогда я написала бы книгу с Головина величиной. Писарева мне надо бы тот том, где 2-я статья о Базарове в ответ Антоновичу, и надо бы мне биографию Писарева. Когда он арестован? Сколько времени сидел? Головин на него клеветает.

Надо бы мне знать, что Белинский говорит об «Обык[о]венной] истор[ии]» Гончарова? Ужасно бы надо заглянуть в «Братьев Карамазовых» и «Бесов» Достоевского. До чортиков бы нужно и Толст[ого]. «Войну и мир» и «Анну Каренину» я уже себе купила в отвратительнейшем немецком переводе. А «Обломова» как бы надо! Господи, боже мой, пресвятая богородица! Архитектура при этом не складывается еще! Написала уже много, а не знаю, с чего пачать.

Если бы вы, на свою беду, ласково отнеслись к этому письму, я завалила бы вас вопросами.

Ну, вот уж это скажите: я отлично помню, что где-то читала переписку Пушкина с Рылеевым о «тенденции в искусстве» некоторым образом. А ведь говорит кто-то у Достоевского (чуть ли не Смерд[яков] или Шатов?): «Если бога нет, все дозволено»?

Ах, ты, господи: не справлюсь, опоздаю, — Головин будет слишком стар, когда я кончу. Караул! Режут! — вот вам картина моего психического состояния. *Ваша Вера.*

Пишите.

Спасибо за карточку: отличный капитан в отставке, еще не привыкший к халату.

Письмо к киевлянам получено. Будет переписано.

«Н[ового] С[лова]» я еще с октября в глаза не видела — не получаю. И Павел перестал получать.

86

Цюрих, 16/1 1898 года.

Милый Жорж, что же вы, пошутили статью-то прислать свою на прочтение? В печати последнее слово осталось за Михайловским, но, в сущности, само правительство народникам ответило за «Соц.-Дем.» — засвидетельствовало, т. е., истину их учения.

Но все же приятно было бы прочитать, как вы бестию Мих[айловского] отделали! А ведь умеет он так написать, что на вид довольно хлестко (например: «одержимых *манней величия* сумасшедших уже давно не сажают на цепь, а сотрудничи «Нов. Слова» сидят»), а посмотреть, так только к «неловким выражениям» придирается, а по существу и сказать ему нечего. Пришлите статейку-то.

Пришла киевская газетка: ни вашего письма, ни Павловой статьи нету. Опоздали, что ли, или пропали? Но передовая пересаливает в нашем духе памятования не об одних стачках, а тоже и о политике и пр., и как будто нарочно написана для битья по носу Сер[гея] Ник[олаевича]. Также для этого будто битья написано и предисловие к циркуляру министра, напечатанному в России. Его мы думаем в «Листке» перепечатать с выражением согласия редакции. Известие о смерти Делянова распространилось здесь как раз вечером под русский Новый год, и всем показалось это

отместкой за «Н[овое] С[лово]». Слышно, что бывшая редакция получает множество адресов из Одессы, Харькова и пр., выражений сочувствия и сожаления; из Берна тоже послали и при этом буквально разодрались. Здесь собираются, но еще не собрались — не драться, конечно, а адрес послать.

Ваша Вера.

Кто, как кур во щи, попал, так это Семенов: пишет Бончу, что совершенно разорен. А ведь он до покупки «Нов. Слова» и марксистом-то быть не собирался.

87.

Цюрих, 1898 г.

Дорогой Жорж, тетрадь я получила, спасибо. «На ущербе» достала — тоже начало и конец. Нет только из середины 2-й, 3-й и 4-й книжек «Вестника Европы» за 90-е гг. Вчера приехал сюда человек из колена Гадова и гадовских мест, но, говорит, с полномочиями тоже, и из наиболее интересного места. На вид чрезвычайно противен — расфуфыренный Лифшиц, но с сознанием своего бесконечного практического значения. Тон съездовой. Накопилось каких-то масса недоразумений, не стоящих выеденного яйца, сплетен, глупостей. Он уполномочен столкнуться. Услышав, что вы сюда собираетесь, он просит, чтобы вы, если возможно, приехали немедленно. Я это пишу вам, но сама я вовсе не знаю, желательно ли, чтобы вы с ним тоже сталкивались. По моему, это всерьез невозможно. Ни одна из этих заезжих птиц не может дать понятия о прочих, следующая будет опровергать предыдущую (этот смотрит свысока на россиянина, огорчавшего меня перепиской с фондом, но россиянин — я его не видела — все же во 100 раз милее его самого). Но все же на них надо смотреть «исторически» и объективно. Но вот что, повидимому, надо бы: это знать, что вы писали в «письме». Много разговоров об этом письме и словах человека, который его привез туда. Человек, кажется, нес ерунду, и что именно было написано в письме, никто не знает. Все очень противно, а лично плохо пишется и нездоровится.

Ваша Вера.

Если желаете застать птицу [?] (она вас будет ждать, если бы вы назначили короткий срок), то уж лучше бы поскорее с ней покончить, т. е. поскорее вам приехать.

Цюрих, 29/1, 1899 года.

Дорогой Жорж, о себе и писать не хочется, — так — какое-то самое противное животное, весь этот месяц как-то потеряла, в то же время себя непрерывно ругая и тоскуя.

Сидней Вебб у Павла есть; я его, то есть Павла, вчера видела, и он обещал послать. Я у них за зиму была раза 3, а Павел у меня бывал раз или 2 в неделю, но зато я уж пойду, то сижу часа 4, а он на 20 минут заходит, так что я еще больше бываю. Мы в самых дружеских отношениях. Я не хожу просто потому, что лень, не хочется, — вероятно, и он потому же не сидит у меня. Истории чартизма, чтобы настоящей, так и на свете нету. Я вам говорила, вероятно, про Gammage'a (кажется, не вру), — это очень интересная книга, но историей она только притворяется.

Он сам из умеренных чартистов, и по голосу слышно, что одних он норовит уцешить, других защитить и пр. Все-таки это самое неотрывное, полное, что я о чартизме читала в музее [Британском], хотела ее купить, но, оказалось, стоит больше фунта. Был слух, что выйдет новым изданием (первое в пятидесятых годах было); я поручила купить Селит[ренному] (у него много моих денег осталось), но не слышно. Пришло вам автобиографию Lovett'a, тоже чартист, но купила я ее по случаю перед самым отъездом и не прочла, не знаю — стоящая ли. О стачке механиков имею понятие (сейчас получила письмо от Мендель[она]). Кончилась стачка полным поражением), но статьи Бернштейна в «Vorwärts» не читала. Думаю, и априори можно предположить, что-нибудь этакое «отрезвляющее» пишет. Я Бернштейна в «Neue Zeit» читаю. Он все старается по отношению соц.-дем. разыгрывать роль Мижужева перед Поздревым. Всякие обобщения норовит огрызть или хоть ограничить. «Я, мол, производство обобществляю». — Ну, разве некоторые отрасли обобществления, да и то не скоро, когда буржуазия захочет отрезвлять Мижужева. «У меня, мол,

свои классовые интересы». — Ну, уж не очень же классовые и т. д., и все с точки зрения «простого здравого смысла». Впрочем, добрые свойства пролетариата он опровергает просто по книге Sighele о «преступной толпе», которая, как, мол, ни соберется, непременно наделает пакостей. Только раз во всех этих стараниях уничтожить «старые» воззрения он и был прав, когда оспаривал, доставшуюся по наследству от Маркса с Энгельсом, любовь к туркам. Окт. и ноябрь «Н[овое] С[лово]» я просматривала почти одновременно, так что не помню, какие статьи в какой книжке. Одна там оказалась знакомая и напомнила бедного автора [Потресова]. Плохо, кажется, его дело, никакие хлопоты о залоге не удались. Из новых Булг[аков] не без таланта, но с тем же оттенком немецкой учености, как и Тел[енок]. В общем журнал все-таки был, несомненно, хороший. Есть слух, будто они нето в сенат, нето в Гос. Сов. жалобу подали, и Спасович будто взялся вести их дело. Вот бы славно вышло бы!

Бедного Эритье ¹⁾ мне очень жалко. Поклонитесь ему от меня. Я его летом здесь видала. Он все время ходил твердым и потому сносным.

89

Цюрих, 2/II 1898 года.

Дорогой Жорж, а я думала, что у вас есть лучшие пути, — вы ведь столько посылали. У меня имеется только девица (не здесь, а у Жеман Жеманыча) ²⁾, которая в своих письмах к Зайцу, обладающему карамзинским стилем, может упомянуть о том или другом. Написавши ей, девице, одновременно нам и вам, родной, требовавшиеся ответы, я просила ее сообщить мне тотчас же, может ли она исполнить мою просьбу. Я от нее давно не имела известий, потому и спросила. Ответа от нее еще нету, — подожду послать ваш ответ и примечание, но пока отдам его переписать в виде письма на почтовой бумажке и pošлю ей для отсылки Зайцу, когда получу от нее благоприятный ответ. Отрезанный мною кусок ровно ничего не поясняет, — в нем речь идет

¹⁾ Швейцарец, большой друг Г. В., опасно заболел, после чего и скончался. — *Ред.*

²⁾ Жеманов, эмигрант, проживавший в Лозанне. — *Ред.*

о какой-то книге «судебных ораторов», которую ждет «инженер». Это и нам с Павлом непонятно и составляет, вероятно, постороннее поручение. Мы его сообщить решили в Берлин. Что Заяц высокопарен в письмах и думает общими местами, это я еще в Лондоне Воденам говорила, но я все же не нахожу, что в этом ее письме было что-нибудь непонятное (кроме отрезанного). «Узкие марксисты», о которых тут летом было много разговору, это жанр С[ергея] Н[иколаевича], «поворот к обществу спиной», «ненавязывание» рабочим никаких идей. У них, мол, сама экономия лучшие выработает, что в действительности сводится к *навязыванию* и себе, и рабочим той идеи, что при существующем строе одними стачками рабочие могут достигнуть благоденствия и фактических прав, которых, мол, уж *достигла* русская буржуазия. Цитовец-М[оравский] с Пескиным здесь тоже выстраивают целый этакий выводок. Мы с Пав[лом] ходим с ними дружески сражаться. Но при невежестве их и выводка этот коротенький катехизис до того им по шкурке, что чувствуется, что нам его не разбить, — слишком сложно думаем.

За деньги большое спасибо, хотя и не «голодала», но все же они не вредны. Оказия проехала в Париж, прислала письмо по почте и назад не возвратилась.

Ваша Вера.

90

Цюрих, 12/II 1898 года.

Дорогой Жорж, и Павел вам такое же письмо напишет (я знаю, что вы его лучше слушаете), пишу, потому что знаю, что надо как можно скорее. Дело в том, что мы было решили майского листка не издавать, так как оба года в России тоже обыкновенно выходил и лучше еще здешнего. А теперь оказалось, что россияне не видят возможности выпустить там, кажется, по техническим обстоятельствам (из того места, куда вы письмо писали, пришлось народу разъехаться), а считают, что майский листок необходим, и ждут его из-за границы. Готов (отпечатан) он должен быть уже к началу апреля. Ну, вот всем кажется, что ему надо быть написанным вами. Уж «громыхните свое пение». Ведь майский листок, это вещь, которую всего

шире распространяют в России. Не напишете вы, придется к противному Гинзбургу обратиться. Он напишет так, что каждую фразу переправлять придется, и все-таки выйдет просто жвачка. И уж Пескин (а ему из Бер[лина] каждую неделю по письму пишет друг [Т. Копельзон], недавно там поселившийся из России — наше начальство ¹⁾ мне нынче говорил — люди удивляются... [неразборчиво], а Георг. Вал. все-таки для нас ничего не напишет. А пример Энгельса. Я могу вам его письмо показать, где он мне жаловался, что ему по 40 майских писем на шести языках приходилось писать, и только в последний год перед смертью он от этого эмансипировался. Очень может быть, что вам всех этих аргументов и не надо, и так написали бы. Но я обещала написать вам самое раздирающее письмо, и меня притом совесть мучает, так как я подала первая голос за неиздывание майского листка. Насчет «экономиста» вы мне не отвечаете, но об этом ответьте тотчас же (и утвердительно), а то у меня все время сердце будет биться.

Ваша Вера.

Майскому листку не нужно быть очень большим, и нет, конечно, надобности только и говорить в нем, что о майском празднике.

91

Цюрих, 19/II 1898 года.

Дорогой Жорж, насчет Commercial crisis написала только не Менд[ельсону], а Водену. Сделал бы и тот и другой, но Менд[ельсон] до чортиков занят, а А. М. [Воден] страдает (нервами) от абсолютного безделья. Одну книгу Павел, говорит, послал. Что же касается до Шульце-Геверница, то в Arb. Secretariat'e она имеется, но Грейлих говорит, что не имеет права ее послать, пока вы не вернете те much [многие] книги из секретариата, которые вы уже давно держите. А как вернете, сейчас прийдет.

¹⁾ Т. Копельзон предполагает, что В. И. величала его «начальством» ввиду того, что он явился за границу в качестве представителя петербургской организации, — он в то же время был и представителем Бунда. — Л. Д.

Бернштейновские статьи по существу меня бы взволновали года 3-4 тому назад, а теперь я этот кризис давно пережила. И раньше были сомнения, а III том «Капит[ала]» (кота — помните?) волновал меня до чортиков месяца 4 (не давал о Руссо думать). Я тогда попыталась заговорить с вами и с Павлом — оба ответили какую-то... [слово неразборное]. Но у меня с прибавкой английских впечатлений сложилось неодолимое убеждение, что «само экономическое» идет не к худу для капитализма, а к постепенному его излечению от кризисов и вообще от «анархии производства» (это ведь тесно соединено, хотя и не покрывает одно другое). Умиление Бернштейна «скамеечкам» я ненавижу, поскольку боюсь заражения фабианизмом немецк[ой] социал-дем[ократии]; это, на мой взгляд, было бы вредно, но надеюсь, что этого не будет. На «самой экономической» почве вы от Бернштейна, от Вебба и пр. до некоторой степени, можете, и отмахаетесь, откусите от тех или других их цифр, настоящего, большого серьеза это, по-моему, иметь не будет (а все же отлично будет, коли отмахнете их хоть на время). Но не думайте, чтоб я очень пессимистично на будущее смотрела. Не очень. И революция и коммунизм для меня вовсе уж не до такой степени «процай». И это потому, что «психическое»-то у меня от экономического зависит лишь в очень широких чертах. Капитализм неизбежно лишь *разрушает* старые (натурально-хозяйственные) мысли и чувства, а складывается на их месте самое разное, и от того, что именно сложится, зависит тоже многое и в политике.

Деспотизм, однако, à la longue [надолго] невозможен при капитализме уже по одному разрушительному его действию на психику, то есть, если хотите, по «само-экономическим» причинам.

Если бы я эти свои мысли вздумала в разговорах излагать (у меня это подробно все выдуманно), вы, конечно, до того бы разрычались, что я не сумела бы ничего толком сказать, но в этом мы с вами вовсе не так далеко расходимся. Я-то ведь ваши взгляды знаю и могу судить об этом. Что меня теперь мучит, так это отвратительнейшая эпидемия «само-экономической» психологии, фарширующей русские головы. У меня тут порядочное поле для наблю-

дений. У интеллигенции-то это только мода, пройдет она. Но по-моему оттенку взглядов я придаю огромное значение тем мыслям, которые попадают в головы масс в момент (у нас так быстро идущий) разрушения векового натурально-хозяйственного склада мыслей. Фаршированная наша интеллигенция очень усердна, фанатична — чудные люди с этой стороны, — они могут оставить отвратительный след в душах рабочих, а там — что засядет, то прочно. *Н. В.* «для Европы»: они от бернштейновщины в восторге. Как много, мне кажется, надо бы написать (для печати), но такое бессилие, безволие для выполнения, что... Пропавшая я скотина!

92

Цюрих, 10/III 1898 года.

Дорогой Жорж, посылаю для вашего развлечения комедию, героем которой является ваша «райская птица сирий» [Кривенко]. Даже из этой шутки видно, как ослабели, как полиняли наши противники. Они уж пропали, им не возродиться. По-моему, опасны теперь не они, а свои. Вы имеете теперь пред собою экземпляр. Не знаю, пахнет ли от него на вас тем, чем на нас с Павлом. Это ведь действительно «одна струна». Не то, чтобы сведение к ней всего прочего, а простое вычеркивание всего, кроме «клади в карман». Стремление устроить аккуратненький скелетик без тени мускулов, нервов и даже кожи. И ведь это не он один, а и Тулиц, и практики, и самарцы. Неизмеримо шире, понятливее их всех Теленок [Струве], но не ему дирижировать оркестром, в котором «струна» заняла бы надлежащее место. Когда он говорит о текущих вопросах — все хорошо, в политико-экономических рассуждениях все на месте, но раз он затрагивает общие социологические, что ли (по философии истории), вопросы, сейчас слышно, что у него нет прочного «станового хребта» (ваша метафора насчет критических философов, но я не знаю, в связи ли это у него с философией), поэтому самому ему не справиться с пружинами со всех сторон скелетами, они его сомнут. Держать все это в гармонии и порядке могли бы только вы, так как только у вас и кости, и мускулы с нервами на месте. Павел писать — уж вижу — так-таки и не собирается, хотя теперь

у него кефирные вакации. Как же тут можно допустить мысль о том, что вы уже «написались»? Теперь-то всего и нужнее. Конечно, до осени вам следует выздоравливать, набираться сил, и больше ничего, но с осени необходимо, чтобы вы были с голосом, который был бы слышнее всех. Ей-богу так, милый Жоржик, только надо вам хорошенько выздоравливать.

Как прочтете эти «4 основания», бросьте их, пожалуйста, на почту или лучше попросите бросить своего посетителя. Мне ее дал (Бонч-Бр[уевич]) на прочтение, а у меня чешутся руки вам послать.

Ваша Вера.

93

Флоренция, 19/IV 1898 года.

Дорогой Жорж, а ведь, как только вы переехали Альпы, так и здесь начался страшный дождь ¹⁾. Только этого и ждал, очевидно. Даже фейерверк из-за него отложили на неопределенное время. А приготовили грандиозный. На Микель-Анджело выстроили (остов) Палаццо Веккио и с башней, и хотят его жечь у меня перед носом. Еще раньше дождей я исследовала Жиардино Бобили. Даже приблизительно таких прекрасных садов я никогда и не видывала. Множество статуй и настоящих Микель-Анджело и снимков с разных знакомых Венер и Аполлонов, хороших снимков. Притом, если она выглядывает из зелени или вырисовывается на голубом небе, с нее и спрашиваешь меньше. И художественно устроенные бассейны, фонтаны, белые широкие лестницы, и масса цветущих роз и деревьев, и такие уединенные дорожки, каких только может пожелать трусливейший в мире хвост. Кроме того, за Микель-Анджело по дороге в С.-Миньято я нашла совсем деревенские, ногами протоптанные дорожки, совсем уединенные и незагороженные. Сло-

---

¹⁾ По настоянию товарищей, Вера Ивановна отправилась весной 1898 года из Цюриха в Италию для восстановления расстроенного здоровья. Средства на эту поездку доставил друг членов группы «Освобождение Труда» Ганелин, химик, получивший за какое-то изобретение небольшую сумму. Ввиду нежелания Веры Ивановны ехать в Италию, Плеханов отправился с нею во Флоренцию, откуда он вскоре вернулся обратно, а она осталась там. — Л. Д.

вом, как с места жительства неизвестно, чего еще с Флоренции и спрашивать. Все это, положим, не в коня корм, и мне от этого не легче, но это уж другой вопрос.

Какую я вам книжку в подарок купила! Текст-то не бог знает что — краткая история Медичисов. Но картинки! Лучшие фотографий. И все знакомые места. Только снимки с Ботичелли прикрашены, лучше чем в натуре. Пришло наднях. А мне-то вы книги должны прислать! Что Райчин? В каком он виде и настроении? Что думает делать? Уверился ли в подлинности Кольки? К[атерине] Д[митриевне] Кусковой] я написала, что не только никогда такой фразы не говорила, но даже и понять не могу, что бы такое она могла выражать, так как никогда не пробовала думать отдельно умом и отдельно сердцем. Написала, что мне очень жаль, что она не приедет, но я понимаю, что ей теперь не до поездок, надо обдумывать такое серьезное предприятие, как начало борьбы с нашими взглядами (она мне писала, что через месяц они с Сер. Ник. выпустят против нас брошюру). Разумеется, теперь я ее визита вовсе и не желаю; надо было бы постоянно держать с ней уши вострее вострого, чтобы не сказать чего-нибудь такого, что может быть повернуто как оружие против нас же. Разговаривать с нею была бы преутомительная и бесплодная работа. Пишите же. Не забудьте обещания насчет корректур.

Ваша Вера.

Флоренция.

Дорогой эке-зверь, вы, небось, удивляетесь, что так долго не отвечаю. Мне все как-то страшно некогда. Все некогда: и по Флоренции бегать, и читать, и письма писать — ни на что как-то недостаточно времени. Из этого можете заключить, что я в самом нервном расположении духа. И, действительно, хотя я только и пью, что одну чашку жидкого кофе утром (от послеобеденного чая отказалась — давали в 5 часов, — некогда бегать, а вечером от трусости никогда не хожу в салон пить), но нервничанье и сердцебиение, кажется, даже усилились. Малейшее письмо, или просто что-нибудь вспомню, и такое схватит волнение, чуть не до слез. А все-таки я сама в зеркале вижу, что потолстела, хотя

вмешался неимоверный насморк (схватила во время дождей — бегала) с каким-то нарывом за носом где-то, и сильной болью. Теперь боль прошла, но уж который день из носа (а иной раз ртом) идет кровавая мокрота. В день платков 5 становятся коричневыми. Воображаю, что было бы с вашим носом, если бы вы тут на время ливней остались! Теперь дней 5 как погода хорошая, и я все бегаю. Флоренция премилая, и теперь, когда я думаю, что через неделю уеду, я даже ее полюбила с нежностью. Кроме всех прелестей искусства, я еще чуть не ежедневно открываю все новые красоты природы, лучше которых и во сне нельзя увидеть. Отчего же, удивитесь вы, я неделю-то только пробуду? Это вот как: написала я Павлу, что мало денег мне присылает (ведь лечебным деньгам нет дела, что я разменяла 50 рублей, а без этого мне нечем было бы платить за пансион), и добавила, что 400 ганелинских, пожалуй, и не хватит вместе с дорогой, если долго тут заживаться, но сократить расходы невозможно. Что я согласна хоть сейчас вернуться, но своим произволом не хочу этого сделать, а как, мол, вы с Жоржем решите. Прибавила и то, что все пишут мне, что я «должна набираться сил для работы», а решительно не знаю, буду ли, вернувшись, лучше работать? Пожалуй, обману: мне и прежде не казалось, чтобы кашель мне мешал работать. А настроение от воспоминаний, от прелести Флоренции не изменится. Павел прислал еще порцию денег и написал мне в ответ, что, хотя теперь у него только остатки ганелинских, но в мае еще будут деньги в достаточном количестве, но что обещание оставаться тут определенное время с меня снимается, чтобы я им не руководствовалась в своем решении оставаться тут или возвращаться, а поступала бы по собственному усмотрению. На это я ответила, что вернусь в Цюрих, как только получу денег на обратный путь. Бросила я это письмо вчера, и теперь меня уже сомнение взяло. Невелика добродетель — при таких-то тратах сэкономить франков 80, сокративши дней на 10 свое пребывание здесь. Уж пускай останется, как решено было. Так и напишу сегодня опять Павлу.

Писарева сюда не присылайте; немисливо даже и думать, чтобы здесь работать. Напрасно себя волновать и терзать даже и помышлять-то об этом. Но только поклани-

тесъ вы мне над самой любимой из ваших статей, что пришлете мне его в Цюрих. А то теперь-то вы ко мне милостивы, так как считаете (глупое) предприятие — меня растолстить во Флоренции — своим. Ну, а кончится оно, тогда как бог даст. Поклянитесь же. Что же вы мне не ответили на вопрос о Райчине? Или его нет в Женеве? Все вам пришлю, о чем пишете. Флоренция вам кланяется.

Экс-хвост [?].

А за столом я попрежнему так труслива, что, если вино или масло стоят от меня далеко, я так без них и остаюсь. Боюсь разинуть рот и перепугать немцев: привыкнуть к пансионскому житью невозможно.

Флоренция, IV 1898 г.

Дорогой Жорж. Вазари действительно лежал, как оказалось, на том самом месте, и я его купила, чуточку посмотрю там кое-кого и пред отъездом непременно пришлю. Нет, дорогой Жорж, чувствую я, что оставаться здесь дольше 13-14 будет уже «от лукавого». «Терпеть» мне немного приходится. Что же, «пансионские страхи» ¹⁾? Каких-нибудь часа 1½ в сутки, да я и те сократила чуть не наполовину. Пью кофе одна, когда еще никто не встал. К ужину умышленно запаздываю (это многие делают), а обедать иногда и вовсе не возвращаюсь (вы не знаете, какая это дрянь — всегда одно и то же). Вот и завтра решила на целый день уехать в Certos'у — монастырь в чудной, как слышно, местности. Бегаю я целые дни, но сильно подозреваю, что бегаю не ногами, а сердцем и нервами. Вместо «колодца» я забираюсь на вершину какой-то снежной горы, еще гораздо дальше «от звуков земли». Это бесконечно приятнее колодца, но, право, это не лечение. Если бы вообразить, что я уж на землю никогда не вернусь, что всегда (неизвестно, на какие тысячи) тут буду жить, как теперь, что ничего не услышу

¹⁾ Дело в том, что Вера Ивановна, ввиду ее застенчивости и робости, чрезвычайно не любила появления и пребывания на глазах у фешенебельной пансионной публики, между тем Плеханов устроил ее в пансионе, где она решительно каждого буквально боялась. — *Ред.*

ни о наших делах и «товарищах», я бы сейчас же согласилась. Это все равно, что умереть заживо и такой приятной смертью. Я теперь картины совсем не так, как при вас, смотрю. Завелись у меня везде любимцы (грешным делом, все волнующие, раздирательные по выражению), перед которыми я по полчаса задерживаюсь (вы, кажется, в Баргелло не были)? Какой там чудный «умирающий Адонис» Микель-Анджело, адонисовского женственного ничего в нем нету, но сколько выражения! Вроде «Утра», но, по-моему, лучше). Словом, я, если хотите, наслаждаюсь по-своему, но ведь это мошенничество. Не «набиралась ли я сил для работы», а мне чувствуется, что все дальше от нее ухожу. Письма, которые сдергивают меня на землю (не ваши, а другие, особенно павловские, он все жалуется, что работы-заботы у него много), я просто вскрывать боюсь. Сердцебиение у меня все усиливается. Кабы все забыть, «умереть заживо», так и ладно бы. Ведь вы знаете, что я ни на волос не боюсь смерти, а если бы забыть про землю, то здесь так хорошо. Но ведь нельзя забыть. И за этикие-то деньги только наслаждаешься, чувствуя, что уходишь от работы, а не готовишься к ней. Это уходить-то можно и на 60 франков в месяц (вместо недели) ¹⁾, и тогда ни пред кем и ни пред чем не виноват. Вы говорите («в июне в Беатенберге» ²⁾), и до июня остается совсем мало времени.

Да ведь, во-первых, не наверное же в июне. Это будет зависеть от ваших работ, от семейных обстоятельств — мало ли от чего! А во-вторых. Ведь, хоть Ганелин и писал, что, мол, надо лечиться $\frac{1}{2}$ года и что он спишется об этом с Павлом, но Павел пишет, что имеются в виду деньги лишь на прожиток до конца мая. Так не лучше ли сберечь от них кусочек для поездки в Беатенберг? Не знаю, сумела ли я изобразить вам свое состояние. Мне самой мучительно жаль расставаться с очаровательной атмосферой, в которую я втянулась здесь. Но я чувствую, что это *должно*. Я положительных долгов не понимаю («должно приносить чело-

¹⁾ «Уходить» означает — отвыкать; «на 60 фр. в неделю (вместо месяца)» значило, что обыкновенно у нее на жизнь уходила эта сумма в месяц, а в пансионе в неделю нужно было столько платить. — *Ред.*

²⁾ Беатенберг — известный курорт в Швейцарии, куда Плеханов звал В. И. — *Ред.*

вечеству пользу»), а отрицательные чувствую. Я и 10 последних дней утонула. Или Флоренция до самой смерти и никаких работ, или надо бежать из нее поскорее. Флоренция, бедная, невиновата, но мое больное сердце, больные нервы превратили ее красоту в какой-то гашиш для меня. Ах, если бы навсегда бы тут остаться! А я сегодня от Павла письмо получила, где говорится, что «ждет вас работа», и даже не говорит какая. А вы упорно не отвечаете мне на вопросы о Райчине ¹⁾, и я начинаю воображать, что с ним что-нибудь ужасное случилось и вы не хотите меня волновать известием.

Прочла про Sodom'a [Содома]. Я его за St. Sebastian'a (помните, какое выражение?) люблю, а ваш Vasari сплетничает, что он был безнравственнейший. А у других-то St. Sebastian веселый, бегаёт со стрелой, точно орден получил.

[B.]

96

Флоренция, 1898 г. [апрель].

Дорогой Жорж, кажется, я вам книги и гравюру завезу в Цюрих и уж оттуда пошлю. Положение тут военное. Двор, где почта под Уфицци, переполнен войском (так же как двор Палаццо Веччио и все дворы общественных зданий). Я, наверное, как-нибудь не так, как тут принято, упакую и затем от смущения такого набормочу, что меня примут за иностранного подстрекателя: тут все анархистов всяких арестуют. Пьяццо Вик. Эммануила вы бы не узнали: во всех магазинах перебиты стекла, а от фонарей одни палки остались. Там происходили главные беспорядки. Толпа 3 дня подряд старалась не оставить в целости ни одного стекла (больше ровно ничего), а в нее в разгаре этого занятия стреляли, тогда она разбегалась, а потом опять приходила доканчивать. На Пьяцца Синьерии бедную Laggio бомбардировали камнями. Я несколько раз попадала то на площадь Викт. Эммануила, то на Синьерии, когда они были переполнены толпой, а потому только узнавала, что около этого времени там стреляли, но на стрельбу не попала ни разу.

¹⁾ Обстоятельства личного характера, сильно тревожившие Веру Ивановну, касавшиеся Райчина. — *Ред.*

Теперь «все спокойно», все и музей заперто, иностранцы разъехались, город переполнен войсками, только их и видишь, аресты массами. За городом хорошо, но сегодня я немножко струсил: на пустом бульваре повстречалось мне пять рабочих. Окружили и стали просить милостыню, я дала несколько медных монет. Говорят, «поко» (мало). Я дала лиру и так и ждала, что отнимут портмоне. Отошли, не поблагодарили, но оставили в покое. Я бы уже уехала, да не знаю, как быть с Миланом. Там дело было гораздо серьезнее, толпа была вооружена револьверами. Закрыто много журналов (но «Аванти» не назван в их числе), арестованы редакторы. Жду ответа от Ани [Кулешева-Турати]; можно ли с ней видаться? Ночевать-то там все же придется, разве что выехать с ночным поездом, тогда Милан проезжать в 6 час. утра. Сюда уже не пишете.

Ваша Вера.

Миланские картины я так и не увижу. Уж, наверное, и там все тоже заперто.

Не зная про миланскую историю, я написала Блюм[он]-фельду, что, мол, коли ему что спешно, послал бы в Милан, но не сюда. Скажите ему, пожалуйста, чтобы и в Милан ничего не посылал.

97

Цюрих, 12/V 1898 г.

Дорогой Жорж, вот я опять в Цюрихе на старой квартире (новой никто не искал, «не могли взять ответственности», вещи мои не были перевезены, и квартира не была сдана). Я теперь чувствую, какие добрые были ваши пожелания мне поехать из Флоренции в Беатенберг, не заезжая в Цюрих. Господи, какая тут идет сложная, многоэтажная драма! Я еще не разобралась в ней, — голова от нее трещит, но чувствую, что унизительны для нас такие ссоры и что вдобавок они всегда будут (и были с самой реформировки Союза, сперва начались Гинзбургом, а затем — со всеми новыми членами). Поэтому, знаете, чего я всего больше боюсь? Что мы останемся победителями с одним Гинзб[ургом] в качестве желающей (но не способной ни на что) работать силы. Неужели вам не ясно, что мы не можем в одной организации работать с этого рода народом? И не потому, что он плох!

Просто разница лет, понимания, настроения сказываются. И если бы мы могли думать, что, вынося эту каторгу, мы русскому движению пользу приносим! Я уверена, что не приносим. Так же плохо, как мы, могли бы и они делать... [Многоточие в подлиннике.] Ну, да это вам покажется просто писком с моей стороны. Вы, я думаю, увлечены процессом борьбы и желаете победы на сегодняшний день и думаете, что «довлеет дневи злоба его». Вы скажете (и Павел думает), что написал же Павел прекрасные брошюры (я то письмо к американцам ненавижу), — как же не полезно? Такие-то брошюры он мог бы еще спокойнее писать, если бы мы вышли из Союза, были просто «private society» [частное общество]. Я бы, конечно, мечтала, чтобы мы вышли, не выказывая ни малейшего неудовольствия, обиды, просто посматрив на них *исторически*.

Чувствую, что написала нескладнейшее письмо. Надо же что-нибудь было написать, а это — приблизительное выражение моих чувств и помыслов в данную минуту. Не посылаю гравюры и книжки, потому что своего чемодана еще не достала. Не ругайте меня за письмо.

Ваша Вера.

98

Цюрих, 16/V 1898 г.

Милый Жорж, то письмо писано официальным голосом, чтобы, если захотите, могли вы показать его Блюменфельду с Гинзбургом. Содержание, однако, все же выражает самое наше настоящее мнение. Прибавлю только, что, по моему впечатлению и по мнению Павла, несмотря на то, что Гришин ¹⁾ нагрубил ему, — этот Гришин — человек, всецело поглощенный интересом дела, а никак не своим местом, чинами и отличием, мелким самолюбием, как наш Гинзбург. Настоящего товарища во всем Союзе у нас нет и, вероятно,

¹⁾ Гришин — псевдоним Т. Копельзона. По его словам, В. И., под словом «нагрубил» имела в виду происшедший у Т. Копельзона крупный разговор с П. Б. Аксельродом из-за мандата, отправленного Бундом в Нью-Йорк Берте Левенсон (Стон) на ее представительство в Америке. Этот мандат Аксельрод взялся переслать ей через д-ра Ингермана, жившего в Нью-Йорке, но последний почему-то не передал его Б. Левенсон. —

не будет ни одного, но, если уж предположить, что мы обречены без конца водиться с этими людьми, из двух зол я выбрала бы Гришина.

Не злитесь, милый Жоржик.

Ваша Вера.

[После подписи В. И. идет следующая приписка П. Б. Аксельрода — (Л. Д.):]

«Павел, который еще собирается писать таким же добрым голосом тебе лично».

Дорогой Жоржик, не могла бы я, пока не кончится эта сумятица, отдохнуть ни в Цюрихе, ни в Женеве. Если бы я туда поехала, так не для отдыха, а для убеждения вас. Последнее ваше письмо такое, что как будто бы с вами можно говорить. Прошлое показывало очевидным образом, что нельзя. Я не веду никаких переговоров с Гришиным, а лишь разговоры. Приходит он что-нибудь принести, сообщить совсем невинное, а затем сидит часа три и все время говорит. Ни тени грубости я от него не слышала. Не бойтесь ничего, я не говорю ему такого, что могло бы повлиять хоть чуточку [на] что бы то ни было. Я его спрашиваю, так, для собственного просвещения. Мне кажется, что своими вставками, замечаниями не раз заставила его задуматься над их правотой по отношению к нам. Но это так только. Нашим самым серьезным противником он все-таки будет. Разговоры (допросы его) с ним доставляют мне своего рода удовольствие, правда, очень горькое. Он, по-моему, в высшей степени правдивый человек. Разговоры поставлены у нас на самый объективный тон. Он излагает мне то, что есть. Горькое удовольствие заключается в том, что то, что я узнаю от него, подтверждает все, что я предчувствовала, предвидела в течение всего этого года. Правда, в больших размерах против моих опасений. Я думаю, что разговоры с Блюм[енфельдом], Гинзб[ургом], с вами (предпоследнего письма) волновали бы меня еще больше, чем с ним. Он для меня просто объективный, необходимый факт действительности. А в том, что сделаете вы (хоть бы я на край света во время ваших действий запряталась), я буду чувствовать себя виноватой, это и меня

обязует. Не могу я передать вам своего голоса. Я знаю, что у меня чутье действительности (того, что есть на самом деле) неизмеримо больше, чем у вас. У вас она заключается (иногда прямо до сумасшествия) представлением о том, что должно быть, но чего нет и нет средств сделать, чтобы оно было. Вы утопист в практических отношениях, не меньше Фурье. Вы ошибаетесь, когда думаете, что против нас только 2 дурака, которых надо высечь. Против нас почти вся молодая эмиграция с присоединением тех элементов из студенчества, которые уже действовали или собираются серьезно действовать. Они полны энергии, чувствуют за собой Россию, в виде Вильны, Минска и Киева (Этингер). Они деятельно готовятся к выступлению, пишут в Россию, собирают силы по всей Европе. Послание администрации, думается мне, очень помогло им в этой агитации. С[ергей] Н[иколаевич] Прокопович — не серьезная штука. Очень вероятно, что с его теоретическими измышлениями нетрудно закончить одной-двумя брошюрами. Лишь бы он поскорее и покатегоричнее высказал их печатно. Но этим общий подъем духа (против нас) лишь внешним образом связан с С[ергеем] Н[иколаевичем]. Он готовится уже давно и в слабейшей степени уже начинался в прошлом году. Его нельзя скрутить, а надо переждать. Я боюсь, что вам всем в Женеве кажется, что с ними следует расправиться или административным порядком за нарушение тех или других статей устава (они их, вероятно, нарушат) или посредством подобранного большинства (не принять Эт[ингера] и Петербуржца¹⁾), хотя по соглашению с россиянами всякий член русского союза, приезжая за границу, становится нашим членом, и вытащить на сцену Гукковского). Формально это возможно, но эта-то наша формальная победа и была бы нашим величайшим поражением. Мы не можем исполнять функции Союза: создать рабочую литературу. Вы говорите, что нельзя бросить то дело, которое мы делали 15 лет. Да за последние 3 года мы делаем совсем не то дело, которое делали в предыдущие 12. То мы могли бы продолжать. Это я и предлагаю. Издавать же такую литературу для рабочих, которая удовлетворяла бы требованиям россиян, мы не можем. И всем кажется при

¹⁾ Иваншина — Ред.

этом, что мы мешаем тем, кто может. Быть может, это им только кажется. Своего идеала и они не достигнут, но у них есть такой идеал, а у нас его нету. У них есть жажда деятельности в этом направлении, но лишь не под нашей редакцией. Им ужасно хотелось бы при этом, что[бы] мы остались редакцией Союза, а они издавали рядом с нами, помимо нашей редакции. Своим бездельем (ни одной рукописи к нам приходиться не будет) или изданием вещей, ненужных для пропаганды среди рабочих, мы выгодно отменяли бы их деятельность. Соперничество с нами поддерживало бы в них священный огонь. Но мне не кажется полезным доставлять им это лишнее торжество. Я совершенно согласна с тем, чтобы мы только редакцию оставили, а не выходили из Союза. Это сведется к одному и тому же. Это даже лучше, и ничуть не помешает нам издавать что угодно от [группы] «О[свобождение] т[руда]», а не от имени Союза. Как обставить это оставление редакции? Я думаю, что форму подскажут своими действиями наши противники. Я бы находила наилучшим просто заявить, что мы сами не находим результаты своей деятельности по изданию рабоч[ей] литературы блистательными, что согласны дать нашим критикам возможность испробовать свои силы на полном просторе. Но это, я сама знаю, было бы уж слишком по-доброму. Не дало бы никакого исхода негодованию против наших противников. На такую формулировку и Павел ни за что не согласится, хотя и знает, что мы не можем издавать рабочей литературы. Вы с Павлом придумаете что-нибудь позлее, и я не буду спорить (разве немножечко, но уступлю, конечно, и подпишусь).

Ваша Вера.

На печатание польской рукописи отдельно и на ваше предисловие и я, и Павел абсолютно согласны. Посылаю поэтому его обратно для печатания.

А отчего не издается брошюра Дикштейна? Отчего не набирается (хоть в чужой типографии) та хорошая рукопись (о России, с немецким заглавием, которую недолго перевести), которую, кажется, вы с собой увезли? Предчувствуя неизбежность разрыва, мне бы хотелось хоть начать ее печатать при нас, а не им оставить такую хорошую вещь.

Вера.

Цюрих, 27/V 1898 года.

Дорогой Жорж, третьего дня я писала вам, что мы с Павлом намереваемся к вам ехать. Вчера узнала, что Гришин выписывается в Женеву для переговоров, а сегодня получаю вашу телеграмму. Как понять нам это?

О чем же будете вы с ним переговоры вести, не сговорившись с нами? Вот наши противники так между собой обо всем сговариваются.

Мы думаем, что переговоры вести с ними не о чем, а надо прямо объявить им наше решение. Но сперва надо принять его, и этого нельзя сделать, не сговорившись.

Гришин думает, что едет переговариваться с вами, но требование приехать написано Блюмен[фельдом]. Может быть, он это без вашего ведома своим произволением его выписывает? В таком случае, во избежание недоразумений, [нужно], чтобы Блюмен[фельд] вывел Гришина из его заблуждения. Он едет в среду, — если сейчас оборудуете Блюмен[фельда], еще успеете. Требование приехать сопровождается выговором Гришину, зачем он ведет переговоры с больным человеком. Господи, что мне сделать, чтобы прекратить такое... Опять, повторяю, Гришин не вел со мною переговоров, а излагал мне положение дела, читал письма и прочее. Сообщал он мне все это, как противнику, но с которым он желает вести дело начистоту, не оставляя его в потемках. А вот свои-то оставляют нас с Павлом впотьмах. И уж никак не сообщение Гришина, а именно эти потемки меня волнуют. На просьбу (в коллективном письме) нашу с Павлом сообщить нам намерение администр[ации] Гинзбург своим обычным юпитерским тоном ответил Павлу (я по справедливости оставлена без всякого), что будет спрашивать его мнение лишь тогда, когда его голос не будет передан [Георгию] В[алентиновичу]. Павел просит вас сообщить сему громовержцу, что он уже владеет своим голосом. Он просит меня тоже сообщить вам, что категорически высказывается против редактирования изданий «Союза» гр[уппой] «Ос[вобождение] т[руда]». Я тоже. Он просит прибавить, что в желании всех пересечь он присоединяется к вам всей душой. Только ввиду важности момента (и неудачного начала се-

ченья), не может отказаться от предварительного обсуждения. Сохранить редакторство за [группой] «О[свобождение] Т[руда]» несогласен, однако, даже ради сеченья.

Рукопись С[ергея] Н[иколаевича] уже получена Гришиным и переписывается для [отсылки] одного экземпляра в Россию. Гришин говорит, что она «умеренна», но, быть может, по его мнению, все умеренно, если только нет ругательных слов.

Милый Жорж, не уверяйте себя, что на мои письма можно не обращать внимания, потому что их содержание «объясняется нервозностью». Моя нервозность никогда еще не заставила меня сказать или сделать что-нибудь такое, чего бы я не сказала бы и без всякой нервозности. Припомните, и если захотите быть справедливым ко мне, вы с этим согласитесь. Вы и Павел даже, когда сердитесь, думаете иначе, чем в обычное время. А я, когда волнуюсь, думаю только напряженнее, старательнее, но результат у меня тот же, как и без волнения.

101

Цюрих [1898 г.].

Дорогой Жорж!

Плохо с Надей¹⁾: вместо тифа оказался туберкулез. Доктор, который ее лечит, уже несколько дней предполагает это, а я уговаривала Павла не верить. Больше, мол, сорока лет человеку, никогда она даже не кашлянула, и вдруг сразу такой крутой процесс! У нее редко, и то на какой-нибудь час, температура спускается ниже 39°, а к вечеру доходит до 40°.

Сегодня был консилиум, что туберкулез. Пропадет с ней и Павел: нельзя его себе представить живущим без Нади. Несмотря на такой жар, она всегда в памяти. Про туберкулез ей не говорят.

Серг. Ник. уехал. В нашей «свободной» прессе он участвовать не будет. Он уже за это время новое выдумал: ничего не нужно, кроме легальных организаций. Этим уж

¹⁾ Надежда Исааковна, жена П. Б. Аксельрода. — *Ред.*

он и Гришина с Иваншиным разгорячил. Будем писать легальную о правах. Рукопись о «заседаниях Госуд. Сов.» попала сюда. Я ее Тюленю отправила. А в России вторая соц.-дем. партия образовалась, т. е. «соц.-рев.», по обезьянству, тоже объявили себя «русской» (вместо Российской) с.-д. партией и тоже нечто вроде манифеста выпустили.

И нечего мне там делать у Павла, и без того их, мне кажется, слишком много толчется около нее: их четверо да сиделка пятая, но так это невозможно вышло, вдруг этакий приговор над ними точно с неба свалился! И доктора говорят, что на одно еще есть надежда, что процесс может приостановиться, не сразу, значит, доест все легкие, а с передышками. А какое тут лечение ученое? Никаких средств, понижающих температуру, да и вообще ничего не делают, кроме морфия от кашля да льда к боку. Об Ганелине ничего не слышно, о... [Нет конца.]

102

Цюрих [1898 г.]

Дорогой Георгий Валентинович!

Гинзбург потребовал официального ответа на письмо администрации, который я прилагаю. Неофициально я предлагаю вам посоветовать Гинзбургу разослать это письмо членам, снабдив его удивлением относительно моей непонятливости, заставившей его, однако, допустить, что может найтись и другой столь же непонятливый член, которому потребуются пояснения. Или просто сослаться на мою непонятливость и дать пояснение от себя.

Гинзбург пишет, что имеет в виду «устав», а не «проект»: всякому ясно, что «проект», и никому не приходит в голову, что «устав». Прибавлю, что не потому я так на этом настаиваю, что не желаю наказания бельгийцу¹⁾, а потому, что знаю, что результатом письма администрации, если его не «объяснить», будет блистательная награда этому самому бельгийцу за ловкую подтасовку. Не могу я передать вам своего голоса? Допускаю, что вы в положении «генерала

¹⁾ Кажется, Тахтарев. — *Ред.*

Отчаянного» себя не почувствуете. Ваши практические ошибки утонут в лучах вашей литературной славы, а я почувствую. «Недоросли» меня сами по себе не волнуют, я отношусь к ним исторически. Меня волнует лишь наше положение среди них; их не переделаешь.

Ваша Вера.

На своем «неконституционном» предложении относительно изданий я теперь не настаиваю, так как знаю, что оно уже не удовлетворило бы Гриш[ина] с компанией: они закусили удила и будут самостоятельно издавать все рукописи, какие достанут, не представляя редакции.

103

Цюрих.

Дорогой Жорж, получила ваше письмо только в понедельник. Поймать Павла, чтобы поговорить с ним, совсем не легко: дома он почти не бывает (все в кефире), а когда бывает, трудно найти уголок, который не был бы полон Тищенко́й, его женой, детьми и пр. ¹⁾ Поэтому сейчас отвечаю за себя, а поймав Павла, предоставлю ему отвечать за себя.

Очень я рада, что переговоры не кончились войной и разрывом; со всем согласна, кроме одного пункта: прием Этингер и Иваншина. Оттягивая их прием, мы искусственно культивируем в них злобу против нас и преданность С. Н. ²⁾ Нас, мол, несправедливо лишают нашего права быть членами Союза, очевидно, и его так же несправедливо обижают. Этингер, правда, приехала с поручением от киевлян хлопотать насчет литературы, что заранее расположило ее к союзу с Гриш[иным]. Но последнее время она забегала к Павлу кротче всякой овечки, клялась в преданности «целям Союза». Она искреннее, но наивное создание.

¹⁾ Тищенко — революционный псевдоним «Титыч», — видный член «Земли и Воли», был женат на Августине Каминер, сестре Надежды Исааковны Аксельрод. В 90-х гг. Тищенко, служа в Баку на нефтяных промыслах, сам стал нефтепромышленником-богачом и приобрел все машины капиталиста-эксплуататора. Кончил жизнь позорно. — Л. Д.

²⁾ Прокопович. — *Ред.*

Иваншин же только в том и виноват, что Пескин и Гриш[ин] высказывались за его прием. Это истый руссак, петербуржец. Арестован он был вместе с Путманом [Потресовым], был потом выслан и далеко стоял от всех тревожных последних времени. Сам-то по себе он и насчет литературы обеспокоен. Они оба и ко мне заходили, оба производят очень хорошее впечатление, но я всячески старалась избегать какого-нибудь серьезного разговора с ними, иначе, может быть, и нетрудно было бы показать им всю искусственность раздутого против нас недовольства. Но ведь для них большое место теперь их неприем. Я им в этом всей душой сочувствую, считаю нас неправыми, а вынуждена была бы бормотать нечто противоположное. По-моему, их надо принять немедленно. Я подаю свой голос за их немедленный прием. Принятые до съезда, они успеют притти в нормальное состояние. Иначе ведь на съезде-то они во всяком случае будут приняты, но в обиженном, раздраженном состоянии. Гришину это, может быть, и выгоднее настаивать, но не добиться их приема, а нам невыгодно. Мы-то ведь «законного права» не имеем противиться их приему. Они члены: один Петербургского, другая — Киевского союза, и ни в чем не провинились. Иваншин даже и ни одного оппозиционного слова пока еще не сказал. Раз изгонять С. Н. [Прокоповича] и по-вашему теперь нельзя иначе, как брошюрой, то ведь и искусственное обеспечение большинства голосов теряет смысл даже с вашей стороны.

Брошюры С. Н. [Прокоповича] Пескин нам не передавал, но я заранее присоединяюсь к вашему о ней мнению, что она пуста, но социал-демократична.

Выходу одного С. Н. с женой и я буду только рада. Он самая двуличная шельма, но наказан он был бы, если бы никого за собой не увел.

Мне уж Гришин [Копельзон] говорил, что, по его мнению, брошюра ¹⁾ хорошая, но есть нехорошие фразы, которых не должно быть, — например, о мяче. Я, испугавшись за эту фразу, пустилась даже в защиту свободы слова. Poleмическая, мол, брошюра должна быть напечатана без всяких изменений. Он на это отвечает, что вычеркнуть такие

¹⁾ Повидимому, написана С. Н. Прокоповичем. — *Ред.*

фразы должен сам автор и что он ему об этом уже писал. Ну, а я знаю, что бельгиец с бельгийкой Гришину самым усердным образом куры строят и глазки делают, как первойшей в мире красавице, и по его настоянию непременно вычеркнут.

200 рублей через Каутского я действительно получила без всяких объяснений и, решив, что это — уплата долга за набор и печатание брошюры о печати, мгновенно отослала их Блюменфельду. Так что *от этих 200 рублей* я не разбогатела, но вообще-то, ничего себе, и 2 (маленьких) книги все-таки могла бы вам подарить. Если я и ошиблась в назначении 200 рублей, пускай все так и остается. Заказ сделан через меня, я за уплату отвечаю. Если это и есть «друзья», то приблизительно те же, которые не платят за заказ (потому, вероятно, что ему, Тел[енку], самому не платят). Это скоро объяснится. Сюда в конце этой недели придет тетушка ¹⁾ Теленка, которого теперь действительно приходится признать бычком, так как у него родился под-теленочек ²⁾. Его-то самого теперь уж не увидишь лет 15—пока дети не вырастут. Родитель он будет нежнейший и будет детей, как кошка, в зубах носить, а в таком-то виде далеко ездить неудобно. Теперь уже прощай, Теленочек! А какой был отличный!

Дорогой Жорж, была у нас с вами «общая» барышня. Заместителем барышни мне теперь объявлен «хороший человек и замечательный эконом», поселившийся в том же городе, где с осени живут Серг. Ник. с женой [Кусковой]. Сказано, чтобы писать ему через «редактора», и больше никаких указаний. Редакторов на свете так много, что такое указание не говорит мне ровно ничего. Я думаю, что раз барышня была общая, то и замечательный эконом, наверно, общий же. Может быть, вам даны ближайшие указания, как ими пользоваться, а мои так туманны в предположении, что более точно узнаю от вас? Верно ли? В полученном мною известии (оно писано, очевидно, раньше прибытия туда

¹⁾ Ал. Мих. Калмыкова. — *Ред.*

²⁾ То есть, дитя. — *Ред.*

барышни) говорится тоже, что «статья о роли лич[ности] уже пристроена, но не знаю, когда именно напечатают».

Есть и карамзинизм. «Мысль о возрождении преследует всех, но пока ничего нет конкретного... а все же я верю, что опять будет праздник на нашей улице, и опять закипит работа». Говорится еще: «Хорошо одно: «технолог» благополучно существует. Он ждет речей Коли». Я никакого такого технолога не знаю. Может быть, вы знаете? Путман здоров, всем нам крепко кланяется. Но настроен очень грустно. Запасается в отъезд книгами по философии. Насоветует ему Тел[енок] таких, что бедный Пут[ман] перестанет признавать существование вещей.

Читаете ли вы Парвуса в «S[ächsischer] A[rbeiter] Z[eitung]» против Бернштейна? Он в них не философствует, да и как — в газете? Но мне его постановка нравится: удалая такая. Экономические-то условия для перехода власти в руки пролетариата уж, мол, готовы. Недостает только политических. Как капитализм развился широко не раньше, а после перехода государственной власти в руки буржуазии, то же будет и с социалистическим строем. Всех мельчайших самостоятельных (которыми пугает Бернштейн) починальщиков сапог, самостоятельных прачек, швей и пр. Парвус решает оставить на первое время совсем в покое, а взять производство лишь из рук капиталистов. Не то, чтобы все очень мудро, но очень бодро. Цеткина тут была, говорит, что чуть не общий крик в партии против Бернштейна. А Серг. Ник. пишет, что это самое могучее течение, и объявляет себя полным последователем Бернштейна. Воден мне давно уже написал: «Иду покупать нелепую книгу и тотчас посылаю ее Георг. Валент.». Послал ли?

Мне «Sächsischer Arbeiter Zeitung» от Грозовского тайком носят. Попросите Парвуса, — он, наверное, рад будет прислать вам всю серию. Уже статей десять написано.

Насчет гор ничего не знаю. У меня вообще величайшее отвращение строить планы относительно своего будущего, хотя бы ближайшего; вспоминать, что оно есть, и то уж тоска. Но отвлеченно рассуждая, я считаю вероятным, что, раз вы будете в горах и ласковым голосом меня туда будете звать, я соблазнусь и приеду погулять. Деньги найдутся.

Цюрих, 1898 г.

Дорогой Жорж, порядочное это живодерство, что долго не отвечает. Сообщу вам несколько новых данных. Видела вчера представителя «Рабочей мысли», — Гришин привел его. Довольно тупой, но деловой, вероятно, очень усердный интеллигент. Только что приехал, кажется, за транспортом (для этой «Мысли»), а, може, и еще за одним, более еще того конспиративным делом. На мои расспросы о «Раб. мысли» принялся сообщать, что она Манифеста не признает, и решила не распространять, к партии не пристаёт, считает, что ее им не нужно (но с Пет[ербургским] союзом вошла в практическое соглашение). Заботится о том, чтобы в Петербург не попадало павловых брошюр, а также и вашей о народов[ольцах] (по ее бесполезности).

На этом месте получила ваше письмецо, тотчас же послала на poste restante приглашение Райчину. Потому не телеграмму, что ведь надо ему предложить денег на дорогу. Я заметила, что он на них стал очень жадный. Тяжелый с ним здесь крест будет (уж очень другими заботами захвачен), но все же лучше, чем там его оставить, — от одного страху все равно изволнуется.

На этом месте, укушенная мыслью: «А что же я, однако, скажу Райчину? Чем его удержу?» — я бросила письмо и побежала к Павлу, — они там никакого участия как-то не приняли, помощи не обещали. Он им почтения не оказал, когда там был. Да вдобавок Павел пишет статью о голоде, поэтому болен, конечно, статья не подвигается, он мучается и ни о чем слушать не хочет, говорит обо всем раздраженным тоном, точно вот именно я во всем виновата.

А по письму Блюм[енфельда], сейчас только мною полученному, и он тоже *ненормален*, и он тоже уверяет, что Райчина убьет, а заявление его Райчину (это я письмо цитирую): «вы здесь не будете работать, потому что мне не нужно, а распоряжаюсь тут я...» — ведь это, по меньшей мере, до отвращения безжалостно было. Ведь у того несчастного могла быть фантазия, что в *этой* типогр[афии] он имеет право работать. Ну, да все равно, не поможешь этому.

Все это время Гриш[ин] мучил меня уговорами хлопотать за его план двойных групп. Съезда он не одобряет из-за грубостей и скандалов, которые могут на нем произойти. Боюсь и я настаивать на съезде, говоря по правде; такой ругатель, как Блюм[енфельд], непременно наделает скандал, Гинзб[ург] на собраниях тоже бывает груб. И у Гришина парочка таких найдется (Серг. Ник. с женой на съезде не были бы, но они-то вежливый народ). А ведь нам скандал и разрыв невыгодны, особенно раз причинят его наши.

Предложением двух групп устранялась надобность в общем съезде. Раз мы его не принимаем, надо представить контрпроект. Я предлагаю так: в следующем № «Листка», который выйдет уже без нашей редакции, заявляется, что ввиду, там, прилива «свежих сил» или хоть того же «разделения труда» редактирование изданий Загр. союза переходит к молодой редакции.

Ну, а дальше? Если кто-нибудь из группы пожелает писать, будет ли отдавать произведения в их редакцию? Это уж вам решать. Ведь вы их разносить-то будете, если заслужат? Я думаю, что величественнее ничего себе на этот счет не выговаривать. Ну, а если кто-нибудь (паче чаяния) пришлет произведение с неперменным желанием, чтобы мы редактировали? По-моему, проредактировать и на этой вещи отметить «под редакцией группы», или имя кого-нибудь из нас в качестве редактора.

Большинство вырабатывает проект устава, мы сделаем или не сделаем свои замечания. Вотируется по почте через письма. Не знаю пока, что еще...

Если с этими пунктами вы согласны, не терзайте меня молчанием, а напишите карту, и я тогда уже официально объявлю Гриш[ину], что проект двух групп не принят, а (если не съезд) то вот на что мы согласны. Вот еще, Жорж, по-моему, вся наша борьба заключается лишь в предоставлении им полного простора. Никаких мелких, частных затруднений и пакостей мы им строить не станем, на роль внутренних врагов я несогласна. Я уверена, что и вы так смотрите. И это оговариваюсь для того, чтобы предупредить вас, что с Блюм[енфельдом] и Гинзб[ургом], которые могут этой ролью увлечься, я солидаризироваться не намерена.

Неясным для меня остается пункт о типогр[афии]. Для этого нужно с Блюм[енфельдом] сговариваться, а я не знаю, возможно ли мне с ним в чем-ниб[удь] сговориться словесно, но знаю, что уж письменн[о]-то совершенно невозможно. Гришин желает, чтобы тип[ографией] продолжал заниматься Блюм[енфельд], но сделает [ли] это последний, когда редакция от нас перейдет, я решительно не знаю. Знаю только, что погубить их, отняв у них тип[ографию], нельзя, — будут печатать в чужих, а северный вид это нам придаст маленько — бессильной злости какой-то. Да и мы же ведь желаем, чтобы они поскорее высказались.

Покорнейшая просьба к вам, вернее, к Розалии Марковне! Ведь у меня голова лопается от думушек насчет того, что мы теперь делаем, — ведь это на моей совести лежит, что из этого выйдет. А теперь еще Райчин! По этим причинам, да еще из-за сильного кашля, я окончательно сбилась со сна. Чувствую ужасную потребность выпасться и не сплю ночь за ночью. Умоляю Розалию Марковну прислать мне хлорал. Ведь дубина Членов¹⁾ помешан на хлоралистах! А вы знаете, что я не хлоралистка. Да уж из одной экономии, бережливости, которые мне вообще свойственны, я до последней степени стараюсь не трогать хлорал, раз его имею.

Бога ради пришлите.

Ваша Вера.

106

Цюрих, 1898 г.

Дорогой Жорж, сейчас напишу Мендельсону об отчетах. Он даже обещал мне выслать №№ газет, где будет лучший отчет о последнем конгрессе, но не прислал. Теперь попрошу. Печатаются ли отдельно отчеты конгр[ессов], я не знаю, а если нет, то ведь за прошлые-то года едва ли возможно достать отчеты, но я попрошу его. Что Блюм[енфельд] будет упрямитесь печатать их произв[едения], — это возможно: он и с этим листком с наслаждением «поджаривает их на медленном огне» и только зря бесит. И, по моему, тоже терять нам его, боже сохрани: типограф[ш]ика, до такой степени вкладывающего всю душу в дело, в 100 лет

¹⁾ Врач, старый соц.-дем., близкий товарищ членов группы «Освобождение труда». — *Ред.*

другого не сыщешь, и человек хороший в своем роде. Но заставлять его набирать неприятные ему вещи безусловной надобности не будет. Ведь и теперь приходится то то, то другое отдавать набирать Ивану или Кузьме ¹⁾. Наша фирма издает больше, чем нашей типографии под-силу. Можно бы, следовательно, отдавать именно ихние писания. Тут другая закорючка: Блюм[енфельд] в то же время и кассир, — все деньги Союза в его руках. Теперь «оппозиция» собирает на свои «нелегальные» брошюры отдельный фонд. Но если узаконить «Листок» (позволить выходить под фирмой соц.-дем. партии), нет смысла и брошюры держать вне закона. Поэтому произойдет слияние касс. Вот если Блюм[енфельд] будет стремиться ни сам «Листка» не набирать, ни на печатание его в другой типографии ни копейки не давать, — это, конечно, невозможно, но тут я думаю, что усюветить его будет возможно.

Разнести Иванш[ина] с К⁰ через 3 мес. слишком рано, — не успеют много наврать, — с 1/2 года, пожалуй, придется отпустить. Это, впрочем, уже от них будет зависеть. Как наврут хорошенько, так и разнести. Заводить речь о принятии в Союз всех, работавших для «Листка» (ишь вы, раздобрились!), едва ли есть надобность. Иванш[ина] и Этингер, конечно, принять, и еще, вероятно, предложат одного вновь приехавшего члена Российской с[оциал]-д[емократической] партии. Для «Листка» он уж успел написать о франц[узских] выборах, и статейка, по направлению, представьте, такая, что всякий из нас мог бы написать: ни тени специфического «экономизма», и вся любовь автора и все заботы сосредоточены на Гэде и Жоресе. Прямо, милая статейка. Этого, думаю, тоже надо будет принять. Ну, ладно, примем мы их и Ив[аншина] сделаем редакт[ором] «Листка» и... [слово неразборчиво] брошюр тех авторов, которые предпочтут издавать под его редакцией? Или брошюры все-таки оставить за штатом? А мы чем будем — редакторами чего? *Это в настоящий*

¹⁾ Иван (Бохановский), став народоольцем, работал в качестве наборщика и вместе управляющего в устроенной мною типографии для «Вестника народной воли»; Кузьма (Ляхоцкий), украинец, являлся таким же, как Бохановский, наборщиком, заведывавшим типографией драгомановской «Громады» в Женеве. Оба они принимали заказы от любых эмигрантов. — *Ред.*

момент вполне, конечно, от нас будет зависеть. Ведь они никаких этих милостей не ожидают и будут ошеломлены. Они теперь думают, что потеряли даже и мою сравнительную благосклонность, и заискивают маленько. Но я, конечно, не ручаюсь за них в будущем. Лично ведь я из них знаю одного Гришина. Что он теперь никаких камней за пазухой не носит и очень желает полного с нами мира, — это да, а другие — чорт же за них поручится! Ни одной статьи [Сергея] [Николаевича] [Прокоповича], ни его вещи в «Листке» нету. «Русская» [социал]-д[емократия], тоже и не глупее Российской, но, вероятно, мертворожденная вещь. Типографию ее уже забрали. Таковой, впрочем, нету и у Российской. Недавно опять был погром в Питере, и выбраны все остатки бывшего Союза борьбы (т. е. теперь Российской партии в Петербурге), кроме инженера [?], но тот болен, так что все равно, что и его нету. Едва ли не наименее фиктивной причиной будет чисто рабочая организация издателей «Работы мысли». Вместе с газетой у них еще организация кассы есть. Ни с Российской, ни с русской партией они не сходятся. Гришину с [компанией] очень бы хотелось с ними сойтись. Сношения завязать вполне возможно. Есть общие знакомые. Но особенно-то им хочется этого потому, что им кажется, что передовая в 1-м № «Работы мысли» вполне подтверждает те «принципы». Посылаю вам с нее копию, это очень интересно, так же, как и устав кассы. Единственный экземпляр имеется у Серг. Ник., а вышел № еще в октябре. Мне приходит в голову, что из него-то именно он и почерпнул свои последние «принципы». Но во 2-м № уже добавлены к «принципам» *недостающие* в первом вещи. Сейчас [был] у меня Гришин... Ничего-то он не ожидает... Я и не намекаю им, пока не сговоримся хорошенько между собою. А еврейск[ий] союз чистый «Ванька-встанька»: взяли у них 2 типо[графии] и массу народа, — всех, кого знал Гришин, а они уже успели выпустить в России маленький № жаргонной газеты. И путь опять налаживается через границу. И досадно, что это они такие деловые, а не русские ¹⁾, а все же надо им отдать справедливость.

¹⁾ Здесь В. П. имела, конечно, в виду членов *русской организации*. — *Ред.*

Так значит конституция? Но надо еще оформить, что именно им объявить? С нетерпением буду ждать вашего ответа; что я этому всему рада, нечего и говорить. Мы теряем возможность выключить их всех из Союза, но я-то лично всегда считала такую победу ничего не стоящей срундой. Как без съезда (и перемены устава) сделать легальным прием новых членов? В уставе прием — «единогласно», и Гинзб[ург] скажет: «нет». Но ведь это же идиотский пункт, записанный Гинзб[ургом] в противность тому, что было в Лондоне ¹⁾ вотировано (я отлично помню). Вместе с запросом членов о приеме новых написать и то, что прием производится большинством голосов? Или раньше посредством опроса членов изменить эту статью устава?

107

Цюрих [1898 г.].

Дорогой Жорж, Блюм[енфельд] прислал копию с полученного вами от «Раб. знамени» (это ведь группа, объявившая себя «русской» с[оциал]-д[емократической] [партией]) письма с вопросом, что я и Павел об этом думаем. Из приписки Блюм[енфельда] не разберешь, заинтересовались [ли] вы этим обращением, и думаете [ли] отозваться на него согласием, и интересуетесь [ли] нашим мнением, или только Блюменфельд. У меня есть мысли (проекты) и на тот и на другой случай, но неодинаковые. Вот мне и не хочется драть горло (или перо) по этому поводу, если вам в данную минуту по случаю полемики «абсолютно наплевать» на это. Ответить-то им, думаю, во всяком случае, надо. Замечу только теперь же (на тот случай, если бы вы им сейчас же ответили), что, може, «Раб. мысль» делается органом «Союза б[орьбы] за о[свобождение]», но прежде и еще недавно она не б[ыла] им. Може, это не ложь, а просто незнание? Они и свое одновременное выступление в виде «партии» объясняют в 1-м № тем, что не знали ничего об образовании «Российской» партии.

¹⁾ Т. Копельзон предполагает, что по всей вероятности В. И. ссылается здесь на совещание членов Союза русск. соц.-дем., приехавших в Лондон во время происходившего там в 1896 г. интернационального съезда. — *Ред.*

Ответьте же, милый Жорж, написать ли вам подробно о сих предметах.

Ваша В[ера].

А каков проект «Раб. мысли», о котором вам Блюм[енфельд] рассказывал? Мне это кажется вполне вероятным, — нахальства на это у одного Ветрин[ского] ¹⁾, и то хватит, а я еще их представителя из России видела. Совсем осто-лоп. Разве что «Раб. мысль» будет сделана официальным органом, а то непременно объявит самозванцами. А с другой стороны, за статейку об интеллигенции, ее и министр[ство] внутр[енних] д[ел] могло бы сделать органом своего сердца.

Дорогой Жорж! Опять уж скоро неделя не было от вас карты, и у меня насчет вашего здоровья беспокойно на сердце. Воображаю на минутку, что, может быть, вы выздоровели, мне хотелось бы спросить вашего мнения насчет одного пункта проекта устава, а именно, последнего, 9-го. Ведь у вас есть или были проекты относительно будущего посрамления наших противников, и то или другое отношение мое за всех нас на съезде к этому проекту, может быть, безразлично... А я не знаю...

Но если вам совсем не до того, бросьте письмо на этом месте и потом загляните лишь на 4-ю страницу.

Очень вероятно, что нас будут выбирать в эту комиссию; вероятно, она и выдумана для того, чтобы мы какое-нибудь да заняли положение в Союзе. Делать в ней будет нечего (что в администрацию я ни за что на свете не пойду, это я твердо решила). Решительно отказываться нам всем идти в эту комиссию — это уж не просто отказ от власти, а враждебная демонстрация, — совсем, мол, с нами не хотят связываться. Мы этим подпадем (в намерении) под пункт о «хронически неактивных членах». Пункт, думаю, выдуман не для нас, а для Полинковского с Гуковским ²⁾. Тем

¹⁾ К. М. Тахтарев и Петербуржец. — *Ред.*

²⁾ Полинковский и Гуковский — эмигранты, члены Союза, сторонники группы «Освобождение труда». — *Ред.*

не менее, отказ будет как бы вызовом: ну-ка, исключите за будущее бездействие!

Как вы думаете? Я, в сущности, ничего против этого не имею. Чего я боялась — это ужас остаться нам вдвоем с гинзбургским «союзом» при отдельной организации оппозиции! А раз их министерство будет обеспечено, я ничего не имею против оскаливания зубов в приличной форме, а это прилично будет. Мне теперь, положим, так отчаянно все опротивело (не исключая и русского «рабочего движения» с его «Мыслью», в редакции которой, как я невзначай узнала, находится Ветринский)¹⁾, что, по мне, все к чорту! Может быть, это только временно, от той нервной и нравственной встрепки, которую я непрерывно выношу с самого [начала?], а потом отчухаюсь. Итак, мне все равно, — не знаю, что лучше. Отказ от выборов в комиссию — это как будто шаг по пути к выходу из Союза. Хорошо ли это делать — это зависит от планов на будущее, а у меня определенных нет, у Павла тоже: он думает о работе для легальной литературы, о философии и ни на волос о Союзе.

Но я-то рада была бы, чтобы у вас планы были в целости, и буду рада вам помогать. Злости у меня накопилось немало. Так вот решите, милый Жорж, как лучше поступить ввиду будущих планов. Должность-то в комиссии глупая. Лучше не принимать? *Ваша Вера.*

Это прочтите. Вашу статейку в «Neue Zeit» я раньше вашей карты читала. Мне положительно удовольствие доставило то место, где вы кантианские бедствия с Ding an sich [вещь в себе] так отчетливо выясняете. Но все здешние немцы очень огорчены вашим тоном относительно Конрада Шмидта. Такой, мол, он хороший человек. И Павел даже говорит, что первый раз в жизни ему ваша полемическая строгость кажется чрезмерной. Мне кажется: у немцев такое же чувство, как вот бы про барина при крепостном праве говорили: «человек, мол, изувечен за то, что тот какой-нибудь кошке хвост отдал». Из какой-нибудь там Ding an sich-то теперь никому из них не рады, а про Шмидта все говорят (и Павел говорит) — уж очень хороший человек.

¹⁾ Недавно умерший К. М. Тахтарев, тогда ярый противник группы «Освобождение труда». — *Ред.*

Я-то об нем не имею даже как о писателе яркого представления, меня о кошке скорее больше интересует, чем сам Шмидт; мне поэтому статья очень нравится и резкой даже [не?] кажется последняя страница, но люди огорчаются.

Сейчас получила от Блюменфельда письмо, где он говорит, что вы ему говорили, что непременно желаете быть на съезде, разве что здоровье не позволит. Думаю, что это вы им для какой-то дипломатии говорите. А Павлу (и Наде за него) ужасно не хочется на нем быть, только иногда смущается: как же меня там одну оставить? (Кому-то-нибудь надо быть, а то путаница выйдет.) Но я его успокаиваю, что мне, мол, все равно. Если не будет трудно, передайте (или перешлите) проект устава Блюменфельду и тоже, если не трудно, пришлите павлово объявление насчет нашего выхода из редакции: может, понадобится прочесть на съезде. По-моему, оно хорошо, только чересчур доброе. Так же было бы, если бы мы передавали молодым друзьям, ну, Ломачанскому [Луначарскому?], напр., а не Иваншину. Ну, это ничего.

Съезд будет 10-го.

Дорогой Жорж, что значит ваша телеграмма, к[оторую] прилагаю: «Ecrivez lettre dont je parle attendez Georges», я, конечно, не понимаю. Но во всяком случае выходит по ней. Письмо послано еще до ее получения, и я жду — не знаю чего. Но пишу я вам не по этому случаю, а по коллективному поручению (инициатива Виленца). Явилось предположение, что, быть может, к причинам вашего неприяезда на конгресс примешиваются финансовые резоны и что, если бы это было так, то для их устранения имеются 200 фр. На типографию из Питера (а там всего 1 чел. остался) прислано 1 000 руб. (500 р. из них конфисковал Бухгольц, но надеемся вытребовать). Виленец предлагает послать из них вам 200 фр. с тем, что они (он ручается) будут пополнены в качестве «издержек делегация». Таким образом, несомненно, что взять эти деньги можно без малейших опасений дальнейших отрывок. Виленец производит на меня теперь впечатление человека, к[ото]рому мы можем вполне доверять, к[ото]рый относится к нам совсем хорошо. Мы думаем, что

его прежнее поведение объясняется тем, что Бухгольц оклеветал нас перед ним, а теперь он сам видит и говорит, что Бух[гольцу] нельзя доверять, что он сумасшедший.

Ваша Вера.

Если бы. финансовые проекты оказали свое действие, то телеграфируйте «согласен». Я не уговариваю вас. Боюсь насчет здоровья. Речь Павла сочиняем.

109 а

Дорогой Жорж, не писала вам потому, что ведь все равно и $\frac{1}{10}$ не напишешь того, что уж рассказал вам Блюменфельд под свежим впечатлением съезда. То-то вы, я думаю, потешались! Это превзошло все мои ожидания. Я знала, что они начнут ссориться, но думала — месяца через 2, а они уж начали драться в самый момент нашей отставки; не успели даже додраться с нами. Вот какое к вам дело: Павлу очень хочется написать обо всем этом в Россию, да и я не прочь рассказать историю последних месяцев. У Блюм[енфельда] есть возможность. Но мне все-таки не хочется дать адрес тетки ¹⁾, а другого не знаю. Написала Крыстю ²⁾, чтобы прислал адрес жены, но, пожалуй, не успеет прийти. Вы, вероятно, знаете адрес того «экономиста» и философа, который б[ыл] нам с вами дан в общее пользование, и я еще попрекала вас, ч[то] вы его утаили. Так спросите вы у него, нет ли у него адреса для посылки старого журнала из Москвы.

Напишите свое мнение обо всей этой поросячьей комедии, если заинтересовались ею из рассказа Блюм[енфельда].

А как здоровье? Крепко жму руку.

Ваша Вера.

110

Дорогой Жорж!

Вы опять молчите, и неизвестно, по болезни или по полемике. Я послала Блюм[енфельду] письмо для России и просила принести его вам прочесть. Это нужно. Я там говорю

¹⁾ Ал. Мих. Калмыкова. — *Ред.*

²⁾ Раковский. — *Ред.*

о «Раб[очей] Мысли» (надуманной С[ергеем] Н[иколаевичем] Прокоповичем) и о том, ч[то] с этим направлением придется рассчитаться. Прочтите 4-й №. Вам Блюм[енфельд] даст. Может, что прибавите в письме? Если почему-ниб[удь] найдете, что незачем все это писать, то можете и уничтожить письмо. У Павла все выходила статья, а не письмо, он ее бросил, а моим доволен — только находит, что коротко. Ну, пишите же мне, собака вы этакая!

Ваша статья против Бернш[тейна] в «S[ächsischer] A[rbeiter] Z[eiung]» очень хороша, даже и по тону. И Павел против нее-таки, ничего не имеет, а таскающийся к нему «австрийский немец», некий Каценштейн, визжавший против статьи о Конр[аде] Шмидте, говорит и про эту, что она написана тоном Ketzerrichter'a [судьи еретиков], только этот кошачий камень ¹⁾ сам-то при ближайшем рассмотрении оказывается бернштейнианцем. Много смуты в умах причиняет это «великое явление», к[а]к называет Бернштейна Иваншин. В вашей статье является диссонансом только постоянное повторение «hochgeehrter und lieber Genosse» [высокоуважаемый и любимый товарищ] на каждом шагу. Притворный вид это ей какой-то придает, не идущий к ее серьезному тону.

Прочтите в «Раб[очей] Мысли» передовую, «Заметку» об интеллигенции и отчет о Штутгарте[ром] конгрессе. Отвращение!

Ну, пишите же. *Ваша Вера.*

Приласкали бы вы Сибиряка, учен[ика] Блюм[енфельда]. Парень простой, хоть и генер[альский] сын, и такой храбрец. А ч[то] слышно о Райтине? Пусть бы он захватил по удалении Блюм[енфельда] типографию. А хорошо бы уговорить Блюм[енфельда] на всякий случай остаться в типографии.

110 а

Дорогой Жорж!

Я тоже принимаюсь вам писать не потому, чтобы имела что определенное написать, а просто потому, что письмо

¹⁾ В переводе на русский язык «Katzenstein» означает «кошачий камень». — *Ред.*

ваше хорошее, ласковое, — как же не отозваться? Я все еще чувствую себя нездоровой: как выйду — лихорадка, но мне почти не приходится выходить — Соня ¹⁾ забегает делать покупки. Верочка ¹⁾ скоро месяц, как уехала в Вену, и в восторге от нее. По всяким собраниям бегают. При ее чрезмерной скромности и застенчивости пожить самостоятельной единицей, а не дробью целого (семьи), как здесь, [ей] будет, навернись, очень полезно.

Я теперь в драке с собой, как бывает у меня всегда при начале писания. Мысли мелькают, а в порядок не приходят, плана нету, один хаос... Это очень тревожное состояние, но сравнительно с невозможностью даже думать о писании — это все-таки благодать, потому что я уже по опыту знаю, что, если ничто внешнее не помешает, то я из этого хаоса все-таки выберусь. Союзные дела есть-таки, но не слишком много, и от некоторых я и не хотела бы избавиться, т. е. от шифрованных писем В...[илен]ца. Право, он очень путный человек. Он нелегальным стал. В его городе был большой погром, и его искали. Получила маленькую записку от Тел[енка — Струве] он ожидает, что в ближайшем будущем «в чисто литературной области предстоят серьезные сражения, к которым надлежит приготовиться. Гг. противники потеряют терпение (вероятно, слухи такие до него дошли), тем более, что в окт[ябрьской] книжке им предстоит получить несколько сюрпризов».

Прилагаю при этом первый лист первой из находящихся на моем попечении брошюр. На них-то я не роищу — их судьба меня интересует. Прочтите. Дальше идет все любопытнее и любопытнее.

Хорошо бы повидаться, хотя, если это случится в разгар писанья, то меня опять будет совесть мучить, как летом.

111

Дорогой Жорж!

Посылаю вашу статью и скорехонько (завтра-послезавтра) пришлю записку Витте — далеко убрала.

Я совершенно согласна с вами, что ловить всех Фендрихов, стремящихся наговорить глупостей, — Сизифова ра-

¹⁾ Дочери П. Б. Аксельрода. — *Ред.*

бота. Пусть выболтаются, тогда будет удобнее прицелить им хвост.

Но как быть с «Листком»?

Для пояснения, как обстоит дело, я заявила Иваншину про одну статью, что он ее должен или вовсе выбросить, или вычеркнуть в ней кое-что. Он хотел сделать поясняющие добавления, но ничего не вычеркивать. Я ему сказала, что посоветуюсь со своими товарищами по редакции и дам ответ дня через 2. В разговоре он б[ыл] смиренный, а на другой день прислал Пескина с запиской, где говорилось, что они думали, что имеют некоторую самостоятельность, а теперь видят, что их отношения к редакции не изменились, поэтому работать с нами не могут и думают самостоятельно издать собранный для «Листка» материал. Я молча отдала все написанные ими статьи, но оставила у себя все корреспонденции из России: без вас, мол, издадим. После этого прибежала г-жа Пескина с переделанной статьей Иванш[ина], я указала еще 2 фразы, которые нужно переделать, причем посредница уверяла, что и они будут переделаны. Ввиду такой уступчивости я написала Ив[аншину] письмо, черновую которого посылаю, также и его ответ. На этот ответ я только словесно (Пескиной) сказала, что данный «Листок» может выйти, а о дальнейшем решим потом. Ну, так как теперь быть? Отношения, действительно, не регулированы: ведь работали для «Листка» многие и все нечлены Союза, и работали они серьезно.

Из России давно пицают об иностранном отделе. Они составили его очень недурно: изо всех почти стран и без претензий и теорий, просто и мило. Как же быть? Бели: 1) отнять у них листок, мне такой иностранной хроники не составить: надо для этого долго и подробно следить за всеми газетами; 2) отдать «Лист[ок]» им совсем и отказать от редакции? Но тогда «Листок» должен выходить без фирмы соц.-дем. партии, и у партии не окажется ни одного периодического издания, а у непартии несколько; 3) позволить им издавать без нашей редакции и от имени партии? Тогда уж и брошюры (безредакционные) не имеет смысла запрещать им издавать под фирмой партии; 4) оставить дело как есть: моя редакция, но «торговля» (я не знаю, почему он, Иванш[ин], это слово в кавычках ставит?) по поводу

всякой моей поправки? Я за наказание этого, положим, заслуживаю, но...

Если ничего лучшего не придумаете, я остановлюсь на последнем, хоть лично мне это очень тяжело (и положение нелепое и сердцебиение при торговле-то одолевает по-зверски). Насчет совместной выработки программы я рада, и наверно согласимся. Вы «за свободу», а у меня руки опускаются за них хлопотать (я это у Гриш[ина] сказала). Им (не Гришину — он исключение) во ч[то] бы то ни стало хочется иметь собственные, отдельные от нас «принципы». Говоришь скотине: я согласна с тем, что вы хотели сказать, но сказали-то вы письменно совсем другое. Скотина не верит, что согласна: у меня, говорит, свои убеждения. Кроме самолюбия, тут вот еще что: им кажется, что нельзя одновременно соглашаться с ними (с тем, напр., что Гришин (или вы с Гришиным) в Сигризвиле [?] говорили о рабоч[ем] движении как борьбе) и с брошюрой Павла; они думают, что это вещи несовместимые. Гришин мечтает, что ваша брошюра о полит[ической] борьбе устранил это недоразумение. Он-то хоть не видит, как, а верит, что тут недоразумение. Громыкнули бы вы, в самом деле! Скажете — «некогда». Мало бы что! Надо же рассеять недоразумение. Ведь в нем не они одни виноваты, а отчасти и Павел. Вы скажете, чтобы я написала. Ей-богу, не по лени я говорю, что надо, чтобы вы. И авторитетнее это будет, и не сумею я так извернуться, чтобы, не противореча Павлу, все выразить, что нужно. И не я в павловых брош[юрах] виновата. Я его заранее, чуть не плача, уверяла, что они поднимут бесконечные недоразумения, а вы их одобрили, он и уперся.

Когда же вы напишите?

Гришин принес для вас брошюру той же «русской» партии, против к[ото]рой вас просили написать-то. Пришлю, когда скажете, что будете писать, а то потеряете, а ему же кто-то только на поддержку дал. Ганелин около Лондона: *The Hall Bushey, Hert.*

У него опять «мигает»¹⁾, и думаю, безнадежно. Пишет, что: «Компания нашла некоторый метод обработки своей

¹⁾ Здесь требуется длинное пояснение. Ганелин, друг членов группы «Освобождение труда», в особенности Веры Ивановны, был выдающимся химиком, к тому же крупным изобретателем. Он обещал уделить чле-

руды, метод хуже моего, но все же дело обстоит теперь для меня гораздо хуже, чем раньше, когда компания не знала, что с своей рудой делать». Он решил «уменьшить свои надежды в десять раз». Насчет наличных у него тоже стало сразу «плохо». Вот тебе и Рим ¹⁾. Неужели серьезно думаете, что вас выплют? От тетки было письмо, но это один визг насчет того, что ниоткуда не может получить определенных ответов. Инж[енера(?)], должно быть, не могла увидеть, а Телёнок не высказывается определенно насчет проектов.

Ваша Вера.

Черновик моего письма.

Уважаемый г. Иваншин!

Я поняла ваше письмо в том смысле, что вы считаете вопрос о вашем сотрудничестве конченным, и берете статьи обратно. Теперь, когда при помощи г-жи Пескиной вопрос о двух фразах в вашей библиографии будет, вероятно, приведен к благополучному разрешению, я считаю необходимым во избежание дальнейших недоразумений ответить на то место вашего письма, где говорится о редакции, об «отношении к гр. О. Т.» Здесь произошла перемена лишь в том отношении, что некоторые брошюры без фирмы с.-д. партии будут издаваться без редакции Группы. «Листок» же «Работник» остался, как и был, под редакцией гр. О. Тр. При распределении функций между членами редак[ции] «Листок» достался на мою долю. Я предложила составить

его вам с товарищами под моей редакцией (обещала при нам нашей группы значительную часть гонорара, который надеялся получить за одно свое очень важное изобретение, но дело это все не налаживалось вследствие каких-то недостатков в его изобретении. По этому поводу Плеханов рассказывал, как в 80-х годах известному русскому изобретателю лампочек электрического освещения Яблочкину все не удавалось получить на это патент, так как свет мигал. Поэтому, когда он встречал Ганелина, то спрашивал его, продолжает ли и его изобретение «мигать».

Как видно будет из имеющих быть напечатанными еще других писем, С. С. Ганелин все же, благодаря своим «мигавшим» изобретениям, не только оказывал значительную поддержку нуждавшимся В. И. Засулич и Г. В. Плеханову, но он помогал также и «Искре». Весной 1926 года он скончался в Германии. — *Ред.*

¹⁾ Т. е. потеряна надежда получить от Ганелина средства на поездку в Италию. — *Ред.*

этом, ввиду натянутых отношений, делать лишь самые необходимые поправки, и исполняю это; будь отношения иные, я бы их делала гораздо больше). Перед своими товарищами по редакции ответственна за него я и, разумеется, буду спрашивать их в затруднительных случаях. Вы, пока я заведу «Листком», имеете дело со мною, и я сообщила вам, что спрошу товарищей, лишь в пояснение того, что не смогу ответить раньше 2-3 дней, но возможно, разумеется, что, если товарищи будут недовольны «Листками» или я заболею, редакцию «Листков» вместо меня возьмет на себя кто-нибудь из них. Желаете вы или нет работать для «Листка», дело ваше.

112

Дорогой Жорж!

Павел просит меня переслать вам письмо Гришина и прибавить его мнение, что Гриш[ин] тут как будто предлагает то, что вы писали. Если, мол, Союз хочет печатать против Вернш[тейна], то вы с ним помиритесь. Но и зажавши уши, я чувствую, что послушаться Гриш[ина] невозможно. Задушевное мнение Павла, которое он сейчас сказал, тоже, что ответ должен б[ыл] бы быть нечто в том роде: «Исключайте, если вам неудобно, наше присутствие».

Павел не сам пишет, а меня просит потому, что вы ему не ответили.

А я лично зажала умственные уши и не то что мнение подавать, а даже и слушать-то не хочу о содержании письма Гришина.

Ваша Вера.

Павел просит, ч[то]бы вы или непосредственно Гришину ответили и сообщили ему сущность ответа или написали ему, что ответить.

Павел просит выпустить сборник.

113

Дорогой Жорж!

Посылаю вам проект устройства союзных дел, выработанный Гришиным и Бухгольцем. Не обращайтесь внимания на частности, ну, на то, напр., что уж они и имена все

расставили (это так, для примера) или не упомянуто о долгах типограф[афии] (просто забыли, вероятно); написан он с благими намерениями, и они его еще своей партии и не показывали. Если признать самую суть этого проекта — разделение на 2 группы, — то лучше, пожалуй, и не придумать. Но... можно бы согласиться на него только в одном случае, если бы на вас напала энергия издавать Сборники раза по 4 в год, как наш первый серенький; я пообещала бы вам помочь, чем смогу, сколько сил хватит...

Но, устранив эту гипотезу, согласиться нельзя. Ведь признав это существование 2-х соперничающих групп, надо же делать что-нибудь видное, а не существовать лишь для оттенения своей непродуктивностью деятельности другой группы (уж за вкус не берусь, но писателей — грамотных, приличных по слогу — у них будет вволюшку, и валл Кистяковский, между прочим). Ведь нечто несоизмеримое, совсем разное: 1½ инвалида (т. е. мы с Павлом) и для сравнения вся заграничная соц.-демократия! Ведь Гинзб[ург] не помощник, а помеха. Павел от продолжения чудовищ Сборников всеми силами отрецивается. Итак (если не гипотеза), согласиться нельзя. Не следует нам и брать на себя odium'a открытой злости, скандала.

А, кроме сознания бессилия нашего с Павлом, меня возбуждает против нашего существования как соперничающей группы, и тайная злость. Если мы совсем устранимся от соперничества, они скорехонько перегрызутся, ибо наберут массу разношерстного народа, а при нас не так-то скоро. Соперничество (esprit[дух] de... [неразборчивое слово]) будет в них единство и энергию поддерживать. Я уж это и Гришину предсказывала, что перегрызутся, но он не верит. Гришину мотивировать отказ тем, что мы инвалиды, конечно, нельзя... Просто безобразием 2-х групп?

Отвечайте. *Ваша Вера.*

Дорогой Жорж, посылаю вам копию с только что полученного письма Центр. комитета, т. е. инженера, к[ото]рый оказывается здоров. Лично я этому почти рада, т[ак] к[ак] предвижу в близком будущем полное избавление от возни

с Союзом, которая меня часто убивает (с самого... [неразборчивое слово] дня у меня не б[ез] сердцебиений, часто лихорадка и упадок сил, не меньше, чем весной), но тот план действий, который мы с вами так мило выработывали, мне кажется, терпит par force majeure видоизменение. Ведь все «распри» в том и заключаются, что свежие силы желают упражняться в писании без нашей редакции. Раз их «приток обеспечен» и о нашей редакции ничего не говорится, следовательно...

Мне кажется, логика вещей требует с нашей стороны предоставления «свежим силам» полного простора.

Вместе с общим письмом, копию к[ото]рого посылаю, пришло еще «частное» нам, очевидно, из того же источника. В этом частном говорится, правда, что молодежь нуждается в руководстве (лучше им б[ы] это в общем сказать), но что же нам делать, когда все распри в ее желании не иметь руководства!

Мне кажется, необходимо, чтобы мы без борьбы позволили собраться съезду и предоставили этому съезду полную Souverainité, до выбора редакции включительно. Нас не выберут (Павла, наверное, меня возможно, ч[то]бы выбрали как 3-ю при 2-х «свежих силах», но я, конечно, откажусь, уж и потому, между прочим, ч[то], будучи в меньшинстве, не смогу быть полезной).

В Исп. Ком. могут выбрать, но едва ли резон брать и эту функцию. Словом, остаться нам рядовыми членами без функций, поставить только какие-ниб[удь] условия относительно нашей части типографии. Блюм[енфельд], по всему вероятно, от заведывания типог[рафией] откажется, но выговорил право, ч[тобы] он там набирал, если мы ч[то]-ниб[удь] вздумаем издать. Отвечайте, милый Жорж, как можно скорее. Утаить «общее» письмо от членов нельзя. «Леонов» [?] знает и им скажет, Гришин будет спрашивать. А Гришин вел себя последнее время чисто как ангел. Напр., Блюм[енфельд] ни за что, ни про что пишет ему ругательное письмо. Он его содержания своим товарищам не передает, а то, мол, «они поднимут историю», а мне читает его и свой ответ. «Если, — говорит, — вы найдете, что мой ответ не соответствует его письму, то скажите, я изменю». Словом, полнейшее доверие и благоразумие. Если вы мне ответите, что

согласны со мною, я скажу Гришину, чтобы подготовлял съезд, и сейчас же пишу тетке, что из этого съезда выйдет вследствие ихнего одностороннего влияния (о редак. ни слова, а лишь о «свежих силах»). Попрошу сообщить это инженеру]. Если они испугаются, — ну, тогда успеют до съезда покричать... Я думаю, что «свежие силы» скоро на просторе наделают глупостей, и тогда... А я пока немножко хоть отдохну. Отвечайте скорее. Копию «общего» письма пошлите прочесть Блюменфельду], и ч[то]бы он Гинзб[ургу] передал. А *частное* возвратите мне. Мне кажется, что лишнее будет и его показать Гришину. Если это *частное* от тетки, то она глупа, но от нее и другое вместе с этим пришло, так себе, разговоры о Тел[енке] и о себе, и на это письмо никакого намека. Не думайте, ч[то] я уж села на коня и поехала на этих своих предложениях вам. Если что лучше придумаете, и слава богу. Отвечайте скорее. А там собираются покупать журнал, но тетка упрямится, ей бы не хотелось здешнего.

Хвалит Чингис-хана [?] тетка. «Весело», мол, вспомнить о нем, — такой человек.

115

Дорогой Блюменф[ельд], вы спрашивали, что мы с Павлом думаем об обращении к Жоржу «Раб. Знам.» Я не поняла из вашей записки, Жорж ли этим интересуется (и, значит, собирается там писать) или вы сами? Я спросила у Жоржа. Он не отвечает, значит, не интересуется. Но, по-моему, приберечь это «Раб. Знамя» про-запас надо бы, хотя сразу пальца в рот класть им нельзя. Выдумали их (это ведь «русская партия») или открыли и помогли устроиться, — доставили типографию, — поляки в противовес «Российской партии». Это не от одного Гришина известно, а также из совсем других источников.

Но как бы там ни было, а если бы действительно «Российская партия» или Пет[ербургский] Союз, являющийся ее центром, сделала «Раб[очую] Мысль», какую она проявилась в отвратительном 4-м №, своим органом и отказалась бы от своего Манифеста, — нам считать себя солидарными с ней не было бы никакой возможности. Единство такой партии охранять мы не могли бы и должны бы были помогать

пропаганде наших (и Манифеста) идей помимо нее. Но на слово «Знамени» поверить нельзя. Если бы Жорж замыслил писать для него, то следовало бы предварительно всевозможными путями требовать от «Российской партии» ответа, правда ли, что она сошлась с «Р[абочей] М[ыслью]». Свою просьбу сторонникам Манифеста списаться с нами помимо Гриш[ина] я-таки послала другим способом, но ответа еще нет. Если Жорж и не думает о том, чтобы там писать, мне кажется, что все-таки хорошо бы, если бы он им ответил дружелюбно, но уклончиво, а затем мне вот что приходит в голову: хорошо, если бы вы или Гинзбург под каким-нибудь предлогом завели с ними переписку, чтобы узнать хорошенько, что это за компания. Вы спросите, почему вы с Гинзб[ургом], а не кто-ниб[удь] из нас? — Да потому, что больше шансов, что вам будут (если будут) писать по-просту, по правде. К нам за последнее время редко кто подходит без задних мыслей, по-товарищески. Я не думаю, чтобы мы тут чем-ниб[удь] были виноваты, кроме того, что долго на свете живем. Многим представляется, что ют нашего существования они на $\frac{1}{2}$ вершка меньше ростом кажутся. Не случается этого только с очень умными или очень хорошими людьми, которые не беспокоятся о том, сколько в них вершков росту. Если Жорж нужен этим людям только для рекламы, они, може, и не захотят с вами разговаривать, но в таком случае и цена им невелика. Если же они серьезные люди, они должны желать объединяться со всеми своими единомышленниками, могущими работать, следовательно, с «Кольцовым» (его «произведения» за последнее время только ругали за упоминание о «политич[еской] свободе», но им-то это не порок) и с вами.

Что у «Раб. Мысли» хватит наглости объявить всех, кроме себя, самозванцами, я в этом совершенно уверена. Так что, думаю, произойдет одно из двух: либо Петерб. Союз признает «Р. М.» своим органом (до сих пор этого не было, «Рабочее Знамя» в письме Жоржу врет относительно прошлого) и отречется от «Манифеста», либо «Р. М.» всех предаст анафеме. В первом случае партия, имеющая офици[альным] органом этакое чудовище, не соц.-демократы. Вот поэтому-то мне т[ак] и жаль, что вы уходите из тидогр[афии], хотя

теперь и сама вижу, что «они» вас не оставят. Если бы дело выяснилось до вашего ухода...

А в еврейском воззвании хоть и есть фраза «национальное освобождение», все-таки не за что тут даже fouetter un chat ¹⁾. Ясно, ч[то] под этим понимается освобождение от черты оседлости и пр. такое.

Крепко жму руку. *Ваша Вера.*

Вас за последнее время начальство навещало (Иван[шин], Гришин); милостиво ли обошлось?

116

Цюрих [1898 г.].

Дорогой Жорж, «ропот» мой относился исключительно к моему личному положению. И сами же вы спросили, имея, впрочем, вероятно, в виду лишь материальное удобство, чтобы «кто-ниб. ухаживал», к этому-то, собственно, я равнодушна и, отвечая, не об этом думала. «Свобода» относится совершенно к другой области и в неведомой (на ваше счастье) вам области, к которой мой «ропот» относился, ни помочь, ни помешать не может.

А я и теперь продолжаю думать, что мы хорошо сделали, освободившись от насильственного редактирования изданий «для рабочих», без сотрудников и против желания не только огромного большинства здешней публики, но и россиян, которым синица обещала зажечь море, как только мы дадим простор ее «свежим силам». Так как я нисколько добра этой «неприятной птице» не желаю, то очень рада, что вам еще недосуг «захватить типографию». Большой услуги ей и оказать невозможно, как теперь захватить. (Можно бы не отдавать, о ней я ни слова до съезда не говорила. Но Блюм[енфельд] кричал о долгах и ни малейшего желания ее сохранить — конечно, вместе с долгами — не выказал.) Она, голубушка, все устроила так, чтобы обмануть все надежды и провалиться. При трех редакторах, живущих

¹⁾ Высечь кошку.

в трех концах Европы, из коих 2 между собой во всем диаметрально противоположного мнения, а третий т[ак] влият, что 1-й и 2-й оба надеются быть в большинстве, ей будет едва ли под-силу хоть один «Листок» издать (а на съезде решено сосредоточить все силы на «Листках»). Устроила себе такое положение синица собственными усилиями, в том предположении, что раз мы не хотим Крич[евского], он будет для них находкой. Жаловаться не на кого, — нет оправданий перед публикой и россиянами, остается грызться промеж себя. «Захват» и оправдание даст и раздоры прекратит. Опять явится бодрость и единение.

За немедленный захват говорит только нетерпение Блюменфельда. Если бы он был способен посидеть смирно, в ближайшем будущем представились бы, мне кажется, прекрасные моменты для захвата, доставили бы их и здешние, а еще лучше российские истории.

Посылаю вам записку тетки [Калмыковой]. Это я сейчас после отъезда написала о нем несколько слов самому Крыстю ¹⁾, — он сообщил жене, а та тетке. Записка («Раздробление и междуусобия в полном ходу...») — ответ на это известие. «Междуусобие», конечно, промеж сторонниками «Манифеста РСДРП» и его противниками за подчеркивание политичес[еской] борьбы. До сих пор ведь «простор свежим силам» нас просили дать сторонники Манифеста. Тетка... пишет дурацкими общими фразами, но что там идет такая борьба — я и без нее знаю.

Под влиянием этого письма я-таки подробно написала. Обращалась прямо к сторонникам Манифеста, членам организации, прося сообщить нам об их положении и намерениях помимо Гришина, т[ак] к[а]к от него мы правды не узнаем. Очень настаивала тоже на решении (как мы предлагали) вопроса о типогр[афии].

У меня нет прямых сведений, но целый воз козвенных, что «Р[абочая] М[ысль]» не только редактируется, а и печатается за границей, — думаю, на деньги С[ергея] Н[иколаевича] Прокоповича].

¹⁾ Х. Г. Раковский.

Кочан [?] уж давно превратился в ярого политика: с ним случилось вроде как с Белинским. «Когда, — говорит, — начали другие твердить то, что я прежде говорил, я тут только понял, как это глупо». Фирюлова с Иванш[иным] и Песк[иным], но я надеюсь, что это она просто за недосугом подумать, к экзамену готовится.

Где писал Конрад Шмидт против вас? И Павел не знает. А меня очень, очень интересует, что он ответит.

Зверекый кашель у меня прошел, но явилась другая небывалая у меня невзгода: что ни съем, тукая боль в желудке, и по утрам несколько раз рвало. Попробую кур есть.

А как Женичка? 1) Поправилась ли?

Разве я вам не писала, что у Ганелина эта самая беда уже случилась: компания, с которой он торговался, приобрела другое изобретение для обработки своей руды. Об нем нечего и мечтать. Он давно замолчал, как зарезанный 2).

117

Милый Жорж, пишу не затем, чтобы мучить вас вопросами, а просто, узнавши из письма Блюм[енфельда], ч[то] вы больны, какой-то «нарыв не дает покою». Он пишет вдобавок, что вы очень огорчены его рассказом «о положении дел». Понять не могу, что же мог он вам нового рассказать и огорчительного. Я все вела по нашему, вами формулированному рецепту, «ч[то]бы мы остались простыми членами Союза, и в министерстве пусть идет оппозиция, пусть они редактируют *все*». Это хоть и нелегко (они боятся, ч[то] тут крокодил какой-ниб[удь] скрыт, а после «Нового года» еще и против Гришина взбунтовались), но вполне дости-

1) Младшая дочь Г. В. — Евгения. — *Ред.*

2) Эта неудача Ганелина не была окончательной: потом ему все же удалось какое-то свое изобретение сбыть, но получил он уже не «миллионы», как раньше рассчитывал, а всего сотни или тысячи долларов и, как уже упоминалось, он делился с нами во время существования старой «Искры». — *Ред.*

жимо. На съезде я не настаивала, потому что мне казалось, что он решительно ни к чему, кроме как к драке, не нужен, а переменить устав, принять членов, сделать выборы можно и по почте. Вы, положим, писали Павлу, «что не знаете, как устроить без съезда», но я т[ак] и поняла, что просто не знаете, а не то что хотите съезда. Но сегодня, получив от Блюм[енфельда] письмо, где он за вашей болезнью передает от вас, ч[то] вы считаете съезд необходимым, и письмо Гинзбурга о том же, я (на основании перед «оппозицией» письма Гинзб[урга]) начала агитировать за съезд, и дня через два думаю будет послано Блюм[енфельду] официальное извещение о назначении съезда в Цюрихе, конечно, — здесь целых 6 членов, и т[ак] к[ак] настаивают женевцы, то справедливо, чтобы они и проехали. Вы-то, я думаю, не поедете? Ничего приятного на нем не предвидится. Я думаю, ч[то] вы настаиваете на съезде ради желанья Гинзб[урга] и Блюм[енфельда]. Для меня-то, если я только смогу внутренне махнуть рукой на исход съезда (я, мол, не виновата!), это даже облегчение. Не от меня уж зависит, мол, не мне и голову ломать.

Получила от Мендельсоновики карту, что, мол, Станислав добывает для меня отчеты и непременно пришлет. И в старухин склад [?] послан заказ на названные вами книги. Видите, как я стараюсь заслужить, «а он свенья недоволен нами»¹⁾, т. е. как-то подозрительно молчит. А какое противное (по его письму к Р. М.) у Райчина помешательство — клеветническое этакое! А все-таки жалко его очень.

Крепко жму руку. *Ваша Вера.*

Какой тут мальчонка (лет 25) из Сибири прибежал — одна прелесть! Так хорошим семидесятником от него и разит. Быть может, он и оттого нравится, что еще полуобращенный, не нынешний с.-д. Из народовольцев 4-го «Листка»²⁾.

¹⁾ Как уже известно из сообщения Р. М. Плехановой, эта фраза была употреблена одним рабочим в корреспонденции, присланной им в «Землю и Волю», по адресу хозяина завода. (См. Сборник «Группа «Освобождение труда», № 4, воспоминания Р. М. Плехановой «Периферийный кружок «Земли и Воли».) — *Ред.*

²⁾ Т. е. из той группы, которая издала указанный «Листок».

Видел Дмитра [Стефановича]. Говорит, что он очень добр, много читает ученых книг, но в публике о теориях молчит (можно узнать Дмитра). В разговоре же вдвоем очень одобрил намерение народолюбцев слиться с соц.-дем. Говорит, что он отличается от других старых ссыльных. Многие обзавелись домком, семьей и погружены в это, а он ничем не обзавелся и не имеет такого оседлого, ручного вида.

Нам издать Эрф[уртскую] прогр[амму] и Маниф[ест], конечно, можно, если бы только Блюм[енфельд] согласился рядом с собою пустить наборщика для их ¹⁾ изданий или сам взялся без штурк и за их издания.

Любезная госпожа Бестия!

Чем-то вы «дорогих товарищей» уж очень огорчили или напугали? Был у меня вчера Иванчин. Вошел с убитым видом и говорит: «Итак, нам объявлена война!» Не стану передавать разговора. Я от всяких обсуждений уклонилась. Георгий Вал., мол, уж сам разберет, он ведет с вами дело, а я жалею, что и в прошлом-то году вела. Но вот что выдумали и твердо намерены продолжать врать. Мне недели 3 тому назад Гинзб[ург] писал, что Джон ²⁾ сообщил ему в виде догадки, что мы отказались от редакции, потому что надеялись, что они без нас пропадут, но, увидя, что без нас дела у них еще лучше пошли, мы спохватились и напали на них. Теперь слово в слово то же самое говорят мне Иванчин, но уже не как догадку, а как факт, подтвержденный сознанием кого-то из нас («один из ваших») кому-то из его товарищей. Я сказала, что тот, кто ему это говорил, сказал неправду, что никто из моих товарищей не мог сказать такой нелепости.

Я жалею, что не потребовала, чтобы он сказал, кто и кому это говорил, чтобы уличить во лжи. Больше-то уж

¹⁾ Вера Ивановна под «их» имела в виду членов Союза русск. соц.-дем., с которыми члены Группы «Освобождение труда» разошлись.

²⁾ Бундист И. Миль. — *Ред.*

он ко мне, наверно, не придет. Кажется мне, что они уж и из России что-то такое неприятное для себя слышали.

Ганелин уже откликнулся: у него уж опять все в расстройстве, совсем «швах дела» пишет. Пишет, что, однако, для меня все-таки будет, что он припрятал, но только минимум того, что собирался дать, едва $\frac{1}{5}$ обещанного. Так что уж какие там Римы! Да мне-то в такой момент (для моей-то субъективной особы ведь это «момент», конечно) и «не в коня корм» были бы райские чудеса. Вот отчего из Флоренции тогда не съездили.

Клеменца видела, разумеется. Марксизма в нем ни на волос, а так — милый. Для промежутка в 21 год, что я его не видала, ужасно мало переменился: точь-в-точь тот же способ выразиться, те же манеры. Мне хотелось даже с ним посоветоваться. Но надумала я это, пока он был в Париже, а на обратном пути он пробыл лишь один вечер, и я ни на секунду не могла поймать его без жены, а при ней язык у меня не повернулся бы: мне она хозяйственной такой кажется. А жаль, что не поговорила: это мне придало бы независимости от зверинца. Я зверей уважаю, а все же желала бы не очень от них зависеть.

119

Цюрих [1899 г.]

Дорогой Жорж! Был нам прислан еще во время нашего редакторства перевод «Klassen-Kämpfe» Маркса. Перевод не особенно плох, — я даже несколько страниц тогда исправила. Автор — Капелюш ¹⁾, ничего себе человек. При перемене редакции мы отдали рукопись Иванш[ину]. Сегодня встречается мне сей Иванш[ин] и говорит, что им нужно печатать этот перевод, так как Капелюш достал на это денег, и очень меня просит поправить перевод, а, главное, самой «устроить и его печат[ание], чтобы уж совсем на вашем попечении». Мне мелькнула мысль, что ведь у Блюм[енфельд]а работы нет; перевод этот только тем и виноват, что у них немного полежал, что, словом, следует согласиться. Я и сказала, что, может быть, возьмусь; как

¹⁾ Ф. Капелюш сотрудничает в «Известиях» и др. изданиях. — *Ред.*

вы думаете и как думает Блюменф[ельд]? Я, если возьмусь, то больше для него, но и сама работа ничего себе, не неприятна. Но не нарушает ли это тона нашего отношения, — вот не могу решить. Капелюш-то ничем не провинился и даже, живя в Вене, не был в дружбе с Тепловым. Но рукопись всё же лежала у Иванш[ина]. Ответ нужен к понедельнику. Я бы для скорости написала и самому Блюм[енфельду], но не знаю, попадают ли прямо в его руки письма, послан[ные] на типографский адрес. Получили ли питерские письма?

Ваша Вера.

120

[Цюрих, 1899 г. (?)]

Дорогой Жорж, Павел, надеюсь, уже отослал вам письма ссыльных. Милейший Путман! Как живой! Сохранил свою воинственность. Только, по-моему, он ошибается, выводя из статей, написанных рабочими, что они переросли «экономистов». Я думаю, что это просто значит, что пишут еще рабочие, раньше спропагандированные настоящими соц.-дем. и народовольцами. Но царствуют экономисты, так и выучат новых рабочих квакать по-своему.

В понед[ельник] я ничего не получила. Приходит Ив[аншин], я говорю, что еще не получала ответа от Блюм[енфельда], так как ведь дело в нем.

— Нет, нет, его не надо!

— Так для чего же вы меня просили? Ведь Кричевский опытный переводчик и может сам поправить.

— Да нам некогда.

Тогда я наотрез отказалась: мало бы что некогда — это обязанность редакции.

Если бы без моей помощи не могли издать этой книги — дело другое.

Прилагаю письмо Крыстю ¹⁾.

Начались страшные холода; снег, мороз, а мне, к моему величайшему удивлению, вдруг стало гораздо лучше. Лихорадка прекратилась.

Прокопович арестован в России.

¹⁾ Раковскому. — *Ред.*

Цюрих, 1899 г.

Дорогой Жорж, отправила Тюл[ению] большое послание. Написала я о грабеже. И ваши слова переписала и в том же духе еще расписала, но в особенности старалась поджучить насчет журнала. Боюсь, что у них этот проект закиснет.

Совсем я не удивляюсь, что вам «дорогих товарищей из колена Гадова»¹⁾ даже бить начинает быть противно. Меня удивляло все, как только у вас на них охота имеется. Мне кажется, что самая почва для их избиения явилась бы только с журналом. Тогда около него сгруппировались бы те, кому немил их катальный дух. Они бы остались при своей жаргонной области. Литературу для русской «массы», в которой всегда бы можно с вами соперничать (так как тут что нужно неизвестно, всегда можно сказать: «рабочие требуют»), они выпустили из рук, «Рабоч. Мысли» предоставили. А та третьесортная литература для интеллигенции (или полунинтеллигенции), которую они занимаются, сразу бы надоела, как только появилась бы настоящая интеллигентная литература.

Они потеряли бы *raison d'être* [смысл] в качестве русского союза, остались бы «Бундом», где они неуязвимы.

Мне Павел говорил, что какой-то Берлин (или что-то в этом вкусе) говорил ему, что тут решают чествовать 10-летнюю годовщину смерти Чернышевского, и просил его написать вам не приедете ли прочесть реферат о Чернышевском; Павел согласился написать, а потом говорил мне, что кается, пусть бы сами написали, а то не надули бы насчет «подъемных». Уж не знаю, писал ли он вам. А хорошо бы, кабы приехали. Ведь вы столько писали о Черныш[евском], что вам бы нетрудно составить реферат. Да и тема такая революционная. То есть, память о нем и его каторге действовала революционно. А я бы при этом случае вас повидала. 20 какого-то октября это. Приезжайте. Ганелин как-то опять спрятался. Ни из России, ни от Раковс[кого] ничего нет, и я дрожу, как заяц под кустом. Это, впрочем,

¹⁾ Так Г. В. называл одно время некоторых членов из «Союза русс. соц.-дем.». — *Ред.*

в дурную погоду мне все кажется, все забыли. Ай! Ай! В хорошую же все рисуется в более благоприятном свете. Если бы быть уверенной, что оттяжка меня бы не мучила ¹⁾. Столько надо перечитать, что страсть. А как перепугалось, что, мол, останешься ты навеки в цюрихском одиночном заключении, так и не читается. Мне посылают «Новое Время». Хотите, буду вам посылать?

122

Цюрих, 1899 г.

Дорогой Жорж, все у меня есть, так что теперь даже и нельзя оттягивать. Я это только сейчас узнала и дня еще не назначила. Да, впрочем, еще одной маленькой вещицы нету. Такой же, какую актрисин муж даст или хотели выпросить у Евреиновой, но только нужна она на короткое время, тот же муж ее возвратит. Это ведь нетрудно? Только по разным соображениям лучше, чтобы не здесь ее заказывать, а у вас. В крайнем случае, пожалуй, и Филомен могла бы. Я, мол, больна, так для теплых стран пужно. Но лучше другой кто. Надо скоро. Не позже недели ²⁾.

Взволнована я (как мне и полагается), как собака, и хотя это и нетяжелое (наоборот) волнение, но из заботливости о себе и благоразумия все же лучше иногда и поспать, а я, пожалуй, надолго заряду совсем не спать. Поэтому из чистейшего благоразумия подаю Розалии Марковне покорнейшую просьбу насчет хлорала. Как можно побольше. Пригодится. Я все это время его почти не принимала. Гулять я себя ежедневно водила, кормила. Вообще ухаживала за собой, точно я и не я, а вы, напр., когда бывали нездоровы.

Ваша Вера.

Не знаю, обманывает ли меня моя память на имена, но мне кажется, что Войнов — фамилия того господина, у

¹⁾ Под оттяжками В. И. имела в виду откладывания и задержки в осуществлении ее намерения поехать в Россию нелегально с паспортом румынки из Тульчи, что Раковский обещал ей устроить и действительно потом исполнил. — *Ред.*

²⁾ Повидимому, речь идет о получении визы на заграничный паспорт на въезд в Россию. — *Ред.*

которого 2 сестры (одна жена) обе сразу родили, одна от ванны. Да? Еще в Морнэ они жили?

Отошлю вам завтра все остальные ваши книги, чтобы меня худым не поминали.

123

Стокгольм, 1900 г.

Дорогой Жорж, я писала вам и Павлу вместе на другой же день по приезде, но я была очень измучена и, кажется, писала бестолково. Повторяю нужное. Пишите мне сюда так: Frau V. Dmitrieff, Hôtel de Frankfurt, Skeppsbron, 16, Stockholm. На адрес Войнова теперь, боже сохрани, писать. Но, если хотите что сообщить туда, где я была ¹⁾, пишите скорее. Мне обещано, что недели через 1½ у меня кто-нибудь будет. Бровь [?] положим сама к вам в апреле собирается, но неизвестно еще, пустят ли. Она и 2 ее (и наших) полных (то есть вполне, а ведь они кожа да кости) товарища из всех сил стараются над организацией того предприятия, о котором вам писали, и вполне верят в успех, если только удастся хорошо организовать дело ²⁾. Они во главе предприятия, но в провинции сочувствующих и содействующих огромное большинство на их стороне. Да и в сказочном городе ближайшее же поколение (а они делятся уже много-много ½ года) может быть покорено.

Бернштейниада полная идейная война, но по существу, по содержанию, за нарушение не «ортодоксии» (бернштейновцами выдуманное словечко), а истины, а подчас и здравого смысла. Я получила перед отъездом ваше объявление об изданиях, и оно произвело на меня хорошее впечатление насчет постановки вопроса о содержании войны. Но пробежала я его в минуту, когда приходилось думать еще и о другом, а с собой, конечно, не могла взять. Пришлите мне еще экземпляр в письме. Оно, кажется, маленькое.

¹⁾ В конце 1899 г. Вера Ивановна нелегально отправилась в Петербург, откуда по прошествии 2-3 месяцев, по настоянию друзей, боявшихся ее ареста, отправилась в Стокгольм. — *Ред.*

²⁾ Речь шла об организации за границей большого органа. Похоже на то, что под кличкой «Бровь» В. И. имела здесь в виду «тетушку», Ал. Мих. Калмыкову. — *Ред.*

Это предприятие должно держать в секрете. Должно оно остаться таинственным (где? как?), как ухитрилась остаться «Р[абочая] М[ысль]». Я плохо надеюсь, что удастся, но они все этим страшно дорожат.

В секрете должно остаться и мое пребывание здесь. Я, быть может, окажусь здесь очень нужной, но лишь в том случае, если сохранится секрет. Готовьте статьи самые что ни на есть умные и блестящие. Хорошо, кабы написали пообстоятельнее, что именно выберете, я бы сообщила это дальше, а им это нужно для соображений насчет своих тем. Очень затруднительным казался там вопрос о месте редактирования, не из независимости (ни тени этого), а из-за географической, практической и проч. причин (легкое ли дело в самом деле пересылки?), но если выйдет, что географически в середине (и в должном месте) окажется Дмитрий [?], мне кажется, дело очень упростится. Вы не положитесь на ее воинственность, но на добросовестность (что все сомнительное), вам сообщит, на это положим бы, если бы паче чаяния было. Это мне самой пришлось в голову. Но это было бы лишним резонансом для моего закрепления здесь. Вот, кажется, и все нужное. Да, заказных писем мне не пишите. У Бед[евера(?)] сказано, что для получения их нужен паспорт.

Можно подумать по письму, что я в самом аккуратном, рациональном (что сам «Дворник»¹⁾ одобрил бы) расположении духа. А я... Я, конечно, буду рада, если моя беда (что очутилась) окажется выгодной для предприятия, и буду служить верой и правдой. Но сердце все-таки очень ноет. Я совсем не насытилась той страной. Меня некоторым образом даже совесть теперь мучает за оказавшееся излишним благоразумие. Знай я, что только 4 месяца мне жизни там, я бы не так жила, а я экономничала своей невинностью, чтобы хватило на годы. Ни разу даже в В[ольно]-эк[ономическом] об[ществе] не была. И это уже совсем мелочность и сентиментально, а все-таки мне до слез жалко, что не осуществится моя давнишняя мечта провести лето в деревне под М[осквой], а еще 4 дня тому назад я не сомневалась, что

¹⁾ Т. е. Александр Михайлов, известный народоволец, отличавшийся большой конспиративностью. — *Ред.*

проведу. Так это было просто. Стокгольм очень красив. Та часть, которую я вижу, вся из островов, соединенных мостами, как в Венеции, хотя до нее-то, конечно, далеко, а все же очень красиво. Но мне его красоты мертвы. А вот сад, потонувший в березовых лесах... Ну, все это уже надо забыть опять, что и на свете есть.

Напишите же, что у вас нового. Ведь о вас-то я с ноября совсем ничего не знаю. Павел еще писал, а вы нет. Как ладите с Баум[аном]? Бровь в него просто влюблена. Все, говорит, на его молодечество любовалась.

Я тут очутилась совсем без книг.

124

Из Стокгольма, начало 900-х годов.

Дорогой Жорж, скоро месяц, как я здесь, и написала вам сейчас по приезду, но до сих пор не получила от вас ни слова. А между тем, вы получали мои письма, это видно из письма любимца Пут[мана]. Если бы вы были больны, вы хоть ему поручили бы написать мне об этом. Что же мне думать, кроме того, что вы прокляли меня? Но ведь какое же преступление должна я была совершить, чтобы вызвать такое отношение? А, ей богу, я не знаю за собой даже и проступка определенного, — проступка с вашей точки зрения, ведь я ее знаю. Мне вот теперь пришло в голову, что, может быть, у вас не политич[еское] на меня негодование, а что вы обиделись за выраженное мною в 1-м же письме нежелание возвращаться в Цюрих, приняли это за нежелание видеться, — что ж, мол, ей и писать! Ах, нет! Видеть вас мне очень хочется и так часто хотелось. Часто я замечала, что передумываю свои впечатления в форме рассказов о них вам. Воображаю, будто вам рассказываю. Но что я боюсь, боюсь Цюриха — это верно. Стряхнув с себя тамошнее состояние, поздоровев психически, вспоминая его как прошлое, я теперь убеждена, что я шла там к какой-то психической болезни, выражавшейся для меня в неодолимом ощущении глухой стены между мною и всем миром (или дно колодца, как я тогда пыталась вам пояснить) и невозможности поэтому жить объективными интересами (теоретическими) мыслями, посторонними заботами и проч.), к

чему я всегда стремилась и почти всегда умела и теперь опять умею. А за 2 года в Цюрихе я потеряла это умение, вечно чувствовала боль в душе и чувствовала, что иду к какому-то дну, и не находила ни соломинки вокруг, чтобы ухватиться за нее. Я убеждена, что сошла бы с ума или отравилась, если бы не спаслась каким-то чудом. Опять мне хочется вас видеть, но всегда я знаю, что вам не спасти меня, коли опять начну тонуть; ну, подарите вы мне неделю, как во Флоренции, я немножко приподнимусь, а отошли, — я опять на том же дне. Теперь сижу я здесь вроде птицы на ветке, жду, что дальше, а пока пишу статью, ни о чем, кроме нее, пристально не думаю. А какая статья-то, редкость! Правовойернейшая, и кусается! Только вот ваше молчание мешаает, кусает меня. Я боюсь возвращения в Цюрих на жительство без надежд в будущем. Но раз определится, что мне надо тут в... [неразборчиво] по объективным причинам жить, или что я вернусь туда, где была (это не невозможно, потому-то я так и бодр), я ¹⁾, мне кажется, пред окончательным устройством здесь или решенным возвращением туда, не утерплю и съезжу-таки поглядаться. В таких условиях это будет одно удовольствие и ни капли тяжелого. Когда ответите по-доброму, я вам опишу визит к Н[иколаю] Конст[антиновичу Михайловскому]. Изобразю потом один любопытнейший тип, прозванный мною «ущипнутый нос», «галантливый нос» (автор статей о выставке), но удивительный. Все последние 3 строки написаны в предположении, что вы молчите из дружелюбной обиды на меня. Если же ошибаюсь, считайте их ненаписанными.

А в Питере *майские* листки решено писать для каждой фабрики разные и говорить в них лишь об нуждах этой фабрики. Как вам это нравится? Я не могла добиться толку, почему эти листки должны быть «майскими». Так, уж, мол, привыкли, чтобы были майские листки.

Дорогой Жорж, меня давно разбирает нетерпение с вами поглядаться, и подбираюсь я к этому второй месяц, с самого

¹⁾ По всей вероятности, намек на поездку вновь в Петербург. — *Ред.*

отъезда из Стокгольма. Получивши вчера ваше письмо, я было решила поехать. А потом усомнилась. Ведь сказано опять: приезжать с А. Н. ¹⁾. Я бы рада с ним приехать — вместе веселее, да он хоть и кончил лечение, но находится зато в самом азарте писанья статьи (прелесть будет статья — он мне ее по кусочкам читает). Ну, а приеду я одна не [то] в Корзье, не то в Монтре, не то в Женеву (если у вас остановиться нельзя, так в Женеву мне бы не хотелось по некоторым соображениям), а вдруг вы меня еще «поучить» вздумаете и отложите свиданье до приезда А. Н.? Сказано, мол, тебе. Что я, бедная, буду делать? Сидеть и беситься, кроме жары (она и здесь основательная, но лес очень близко), еще и от обиды. Как тут решить? Правда, А. Н. надеется кончить дня в четыре; кабы так, то уж не стоило бы и пицать. Только писатель ведь он не очень опытный, а и с опытными очень часто бывает просчетка и всегда в сторону удлинения срока.

Если придумаете что-ниб[удь] в одобрительном для меня смысле, так напишите сюда на адрес [следует].

Этак скорее, чем через Цюрих. А то уж буду дожидаться А. Н. An und für sich здесь недурно. И компания хорошая, и лес отличный, и не сидится здесь только потому, что вас хочется поскорее увидеть.

Ваша Вера.

126

[Цюрих, 1900 г.]

Дорогой Жорж, сейчас получила ваше [письмо], — хотя узнала, по крайней мере, почему молчали, а то по свойственной всякому человеку эгоцентричности я и не догадывалась, что вам просто было не до меня и моих писем. Что меня беспокоит, так ваше неудовольствие на Пут[мана] и Пет[ра] ²⁾, — я что-ниб[удь] неявно писала, что ли? Ведь вы получили письмо Пут[мана], писанное у меня? О том, до какой степени в Петерб[урге] трудно организовать получение писем, вы косвенно можете судить по тому, что обитатель [?] Галилеевой комнаты считался самым чистым и благополучным человеком для хранения всякой всячины.

¹⁾ Ал. Ник. Потресов. — *Ред.*

²⁾ А. Н. Потресов; П. Струве. — *Ред.*

Неужели они думают «воевать без вас»? Да наоборот же! Как только начало обрисовываться то большое серьезное предприятие ¹⁾, которое они затевают (не для одной войны, но и для войны), так вам и написали отчасти сам И[льин?], отчасти через меня. Его хотят, коли позволите, поставить под флагом г[руппы] «О[свобождение] Т[руда]». Через 2 недели было назначено окончательно [там] решение. И решили сейчас же вам его отправить на цензуру. Пут[ман] надеялся сам поехать. Что было дальше, не знаю.

Поехать «на помощь» Пут[ман] не мог, как и о ею пору, очевидно, не может выбраться. А оттуда частной помощи он не мог бы подать, если бы даже представить себе ее надобность против «quantité négligeable». Это он мне выражение подсказал. Устроить им [?] от какой-ниб[удь] организации невозможно. Не потому, чтобы их кто-ниб[удь], кроме Вильн[ы], любил, — до них никому нет дела. А просто великий найдет, что это пустяки — заграничные дразги. Питерские же практики, вне Р[оссии] [?], Мною и ею они недовольны, положим, но все же за нее держатся. Им и Союз немил, но и мы еще больше, вероятно. Большое, серьезное дело, охватывающее и интеллигентную и рабочую литературу (за это Петров ²⁾ очень стоит), ведомое без мышей, их уж и вовсе уничтожит. Пут[ману] кажется, что это-то и есть серьезная помощь против и их и «Раб[очей] М[ысли]» и всех ваших врагов. Пут[мана] вы же знаете, а настроение по отношению к вам Петрова я могу характеризовать таким отрывком из его слов: «Они (бернштейнианцы) теперь ругаются ортодоксами, а я нарочно говорю им, я не только ортодокс, — я еще плекхановец».

Если бы вы смогли посмотреть на мышей издали «с птичьего d'oiseau», горечь у вас тотчас же пропала бы. Эти мыши настоящие товарищи, не помышляющие отделить от вас своего дела, серьезные, прекрасно настроенные люди. Из них каждый не только как личность — это несоизмеримо — а по возможному общественному влиянию стоит всех мышей, помноженных на бесконечность.

¹⁾ Орган за границей.

²⁾ Ленин.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Статьи и воспоминания.

1.	Г. В. Плеханов.	Гром не из тучи	3.
2.	«	О Первом мая	27
3.	«	О современном социализме	29
4.	«	Социальные и философские взгляды Маркса.	34
5.	«	Письмо к неизвестному	39
6.	«	Расстрелы рабочих	42
7.	«	Наша программа и наши современные задачи.	43
8.	«	О всеобщей стачке	53
9.	«	Русские социалисты и война	55
10.	«	О Г. Гапоне	63
11.	Р. М. Плеханова.	Наша жизнь до эмиграции	65

П и с ь м а.

12.	В. И. Ленин. — Г. В. Плеханову		120
13.	Д. Н. Благоев (и его группа). — Членам группы «Освобод. труда»		127
14.	С. Ганелин. — П. Б. Аксельроду		134
15.	Х. Г. Раковский. — Г. В. Плеханову		135
16.	Т. Копельзон. — Г. В. Плеханову		148
17.	В. Бонч-Бруевич. — Г. В. Плеханову		155
18.	В. Д. Перазич. — Г. В. Плеханову		164
19.	В. И. Засулич. — Г. В. Плеханову		172
20.	К. Каутский и Г. Плеханов. — Переписка.		251
21.	В. Иванович. — Г. В. Плеханову.		296

Р а з н о е.

22.	Г. В. Плеханов. — От Русского социал-демократического союза.		299
23.	« Проект соглашения, предложенный Группой «Осв. тр.»		302
24.	Г. В. Плеханов. — Проект соглашения группы «Освобождение труда» с «Союзом русской социал-демократии»		304
25.	Лондонский Совет рабочих союзов. — Организационному комитету С.-Петербургской стачки		305
26.	Л. Г. Дейч. Восстановление истины.		308
27.	» «Финансы» группы «Осв. тр.»		320
28.	Из архива Г. В. Плеханова в Париже (продолжение).		329
29.	Алфавитный указатель имен		334

